

Creativity and Modernity

Творчество и современность

ISSN 2542-1352

2026 N°1 (31)

Творчество и современность

Выпуск 1 (31) | 2026

Электронное сетевое издание

www.nsktvs.ru

ISSN 2542-1352

Контакты:

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 630099, г. Новосибирск, Красный проспект, 38
E-mail: tvns@nsuada.ru

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-65362

© НГУАДИ, 2026

© Коллектив авторов, 2026

Научный журнал «Творчество и современность» был основан в 2016 году. Учредителем и издателем сетевого издания «Творчество и современность» является ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова» (НГУАДИ).

Статьи сетевого издания размещаются в национальной информационно-аналитической системе [РИНЦ](#).

Сетевое издание «Творчество и современность» публикует результаты научных исследований по следующим направлениям:

Архитектура

Градостроительство

Дизайн архитектурной среды

Дизайн

Монументально-прикладное искусство

Гуманитарные дисциплины

Прикладная информатика в указанных областях

Периодичность: 4 раза в год

Creativity and Modernity

Issue 1 (31) | 2026

e-journal

www.nsktvs.ru

ISSN 2542-1352

Contacts:

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 38 Krasny prospect, Novosibirsk
E-mail: tvns@nsuada.ru

© NSUADA, 2026

© Authors, 2026

The scientific journal "Creativity and Modernity" was founded in 2016. The founder and publisher of the online publication "Creativity and Modernity" is Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts A.D. Kryachkov" (NSUADA).

Frequency: 4 times per year

Редакционный совет

Главный редактор: **Наталья Багрова**

Ответственный редактор: **Антон Гашенко**

Абишева Сауле Ивановна,

кандидат педагогических наук, профессор кафедры архитектуры и дизайна, Некоммерческое акционерное общество «Торайгыров университет», Павлодар, Казахстан

Багрова Наталья Викторовна,

доктор культурологии, ректор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Борисова Татьяна Михайловна,

кандидат технических наук, доцент кафедры конструирования и технологии одежды и обуви, Витебский государственный технологический университет, Беларусь

Вольская Лариса Николаевна,

доктор архитектуры, профессор кафедры реконструкции и реставрации архитектурного наследия, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Журин Николай Петрович,

кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и истории архитектуры и градостроительства, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Майничева Анна Юрьевна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Медеева Кульшат Агибаевна,

доктор философских наук, заведующая кафедрой философии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Пайчадзе Светлана Сергеевна,

PhD, доцент исследовательского факультета СМИ и коммуникаций, университет Хоккайдо, Япония

Панина Нина Леонидовна,

доктор искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории культуры, Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Поляков Евгений Николаевич,

доктор искусствоведения, кандидат архитектуры, профессор кафедры теории и истории архитектуры, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск

Прохоров Сергей Анатольевич,

доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой изобразительного искусства Института архитектуры и дизайна, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул

Семенов Сергей Владимирович,

доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектуры и градостроительного наследия, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург

Туманик Артемий Геннадьевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории архитектуры и градостроительства, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Фоменко Алесь Александрович,

старший преподаватель кафедры промышленного дизайна, Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь

Содержание

Творчество и современность

Выпуск 1 (31) | 2026

Архитектура | Architecture 4

А.А. Охотина. Современные технологии вечерней подсветки и их влияние на человека 4

Е.С. Духанина. Функциональная трансформация клубов: от рабочего клуба
к культурно-досуговому центру 12

Е.А. Грузина. Влияние искусственного интеллекта на формирование творческого метода архитектора 20

Урбанистика | Urban Studies 26

Д.В. Бабарыкина. Современные вызовы формирования общественных пространств в городах Сибири 26

А.А. Гребеник. Градостроительное развитие и особенности планировочной организации городов
Куйбышева (Каинска) и Барабинска (Каинска-Томского) Новосибирской области
в период с середины XVIII до начала XX вв 32

З.А. Смирнова. Малые архитектурные формы и павильоны как элементы климатической
и социальной адаптации парковых пространств Севера 39

Дизайн | Design 49

Лин Чжан, М.В. Таубе. Китайское лаковое искусство. История и тенденции развития в дизайне 49

Архитектура | Architecture

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1001>

Современные технологии вечерней подсветки и их влияние на человека

Анна Охотина

Магистрант

Дальневосточный федеральный университет

okhotina.aa@dvfu.ru

Научный руководитель

Евгения Лапшина

Профессор

Дальневосточный федеральный университет

likhlap@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния вечерней световой подсветки на эмоциональное и физическое состояние человека в завершении рабочего дня. Особое внимание уделено изучению реакций людей на различные параметры освещения: интенсивность, частоту смены цвета, цветовую гамму и общий стиль подачи света. Исследуя связь между характеристиками светового решения и ощущениями людей, выявляются оптимальные подходы к управлению восприятием вечернего городского пейзажа с целью минимизации усталости и повышения удовлетворённости качеством городской среды. В результате проведенных исследований рассмотрено определение светового загрязнения и его последствия в мегаполисах. Приведены практические рекомендации по применению современных цифровых технологий для реализации режимов освещения в рамках конкретной местности и целевого назначения объекта. Данная работа будет интересна архитекторам, дизайнерам и специалистам по ландшафтному оформлению, стремящимся создать комфортные условия для проживания и пребывания в городах.

Ключевые слова: светодизайн, визуальное восприятие, инновационные технологии, декоративная и функциональная подсветка, световое загрязнение

Для цитирования: Охотина А.А. Современные технологии вечерней подсветки и их влияние на человека // Творчество и современность. 2026. № 1. С. 4–11.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1001>

Modern Evening Lighting Technologies and Their Impact on Humans

Anna Okhotina

Master Student
Far Eastern Federal University
okhotina.aa@dvfu.ru

Science Advisor

Evgeniya Lapshina

Professor
Far Eastern Federal University
likhlap@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the influence of evening lighting on the emotional and physical state of a person at the end of the working day. Special attention is paid to the study of people's reactions to various lighting parameters: intensity, frequency of color change, color gamut and general style of light delivery. Exploring the relationship between the characteristics of the lighting solution and people's feelings, optimal approaches to managing the perception of the evening urban landscape are identified in order to minimize fatigue and increase satisfaction with the quality of the urban environment. As a result of the conducted research, the definition of light pollution and its consequences in megacities are considered. Practical recommendations on the use of modern digital technologies for the implementation of lighting modes within a specific area and the intended purpose of the facility are given. This work will be of interest to architects, designers and landscape design specialists seeking to create comfortable conditions for living and staying in cities.

Keywords: lighting design, visual perception, innovative technologies, decorative and functional illumination, light pollution

For citation: Okhotina A.A. (2026) Modern Evening Lighting Technologies and Their Impact on Humans. *Creativity and modernity*. 31 (1). 4–11.

Введение

Вечерняя иллюминация играет важную роль в создании комфортного и безопасного пространства [Яковенко и др. 2023, Хомякова и др. 2019]. Осветительные системы влияют на восприятие архитектурных форм, эстетику городских пейзажей и настроение людей [Гейл 2012, с. 193-205]. Благодаря развитию технологий инновационные разработки открывают безграничные возможности для сочетания красоты, функциональности и, что особенно важно в наше время, энергоэффективности системы освещения вечером. Однако успешное применение современных подходов требует понимания последствий избыточной иллюминации.

Опыт мегаполисов демонстрирует важность учета влияния искусственного освещения на биологические процессы и качество жизни населения. Например, Гонконг, Токио, Нью-Йорк и Шанхай, где присутствует переизбыток яркой рекламы привел к возникновению серьезных проблем: нарушению природных циклов и биологических ритмов, создавая иллюзию круглосуточного дня. Именно поэтому важно своевременно отслеживать, как ночное осветительное оформление воздействует на физическое и психологическое здоровье человека.

Полученные результаты и их обсуждение

Технологичное уличное освещение

Главными задачами современного городского освещения являются создание визуально привлекательного облика и обеспечение безопасности дорожного и пешеходного движения.

В зависимости от вида подсветки регулируются и ее характеристики, что важно учитывать в дальнейшем обсуждении. В городском пространстве целесообразно рассматривать освещение двух видов:

1. Функциональное. Служит для улучшения видимости пространства, повышения уровня безопасности и удобства передвижения пешеходов и транспорта. Оно включает в себя уличные фонари, освещение подъездов, дворов, парковочных зон и дорожных развязок.

Основные цели функционального освещения:

- обеспечение комфортного движения автомобилей и пешеходов;
- минимизация аварийности и преступности благодаря улучшению обзора местности;

- экономия электроэнергии за счёт оптимизации интенсивности подсветки в разных зонах.
2. Декоративно-информационное - ориентировано на привлечение внимания, создание атмосферы и подчеркивание архитектурных особенностей зданий и сооружений. К нему относятся рекламные конструкции, витрины магазинов, декоративные элементы фасадов и мостов, подсветка памятников культуры и достопримечательностей.

Основные цели декоративно-информационного освещения:

- укрепление визуальной привлекательности территории и формирование привлекательного облика города;
- информационная поддержка бизнеса и брендов путём привлечения потребителей и туристов;
- подчеркивание уникальности отдельных объектов архитектуры и ландшафтного дизайна.

Важно отметить, что именно декоративная подсветка часто провоцирует негативные эффекты, такие как усталость глаз, бессонница и стрессовые состояния, так как ее интенсивность и длительность превышают физиологически приемлемые нормы. Таким образом, развитие науки должно фокусироваться на внедрении передовых разработок, повышающих эффективность, экологичность и комфорт населения. Множество факторов диктует необходимость комплексного подхода к формированию светового пространства города — разработки стратегии регулирования технологиями.

Основные тенденции в городском освещении:

- Имитация естественных биоритмов. Разработка динамических режимов освещения, синхронизированных с циркадными ритмами человека. Специальные спектры светодиодов поддерживают дневную активность и стимулируют вечернее расслабление, улучшая самочувствие.
- Экологически чистые материалы. Одним из ключевых направлений является переход на устройства из переработанных и вторичных материалов (пластик, стекло, металл). Это сокращает потребление природных ресурсов и воспитывает экологическое сознание среди населения.
- Интеллектуальный светодизайн. Современные города активно внедряют адаптивные системы управления светом, учитывающие особенности окружающего ландшафта. Автоматическая регулировка интенсивности света в зависимости от естественной освещённости, погоды и интенсивности движения транспорта снижает энергопо-

требление и повышает уровень комфорта. Яркий пример — это интерактивная аудиовизуальная инсталляция Chroma Actor, специально разработанная для главного входа в универмаг Seibu Shibuya в Токио (рис. 1).

Концепция заключалась в создании системы с датчиками окружающей среды, реагирующими на три

основных параметра: движение людей, температуру и время. Динамичные цветовые полосы меняются без повторений (кроме стартовой и финальной фазы), отражая сезонность, погоду и фазы дня. Палитра формируется через заранее подготовленные художественные фильтры, а визуализация напрямую зависит от потока посетителей.

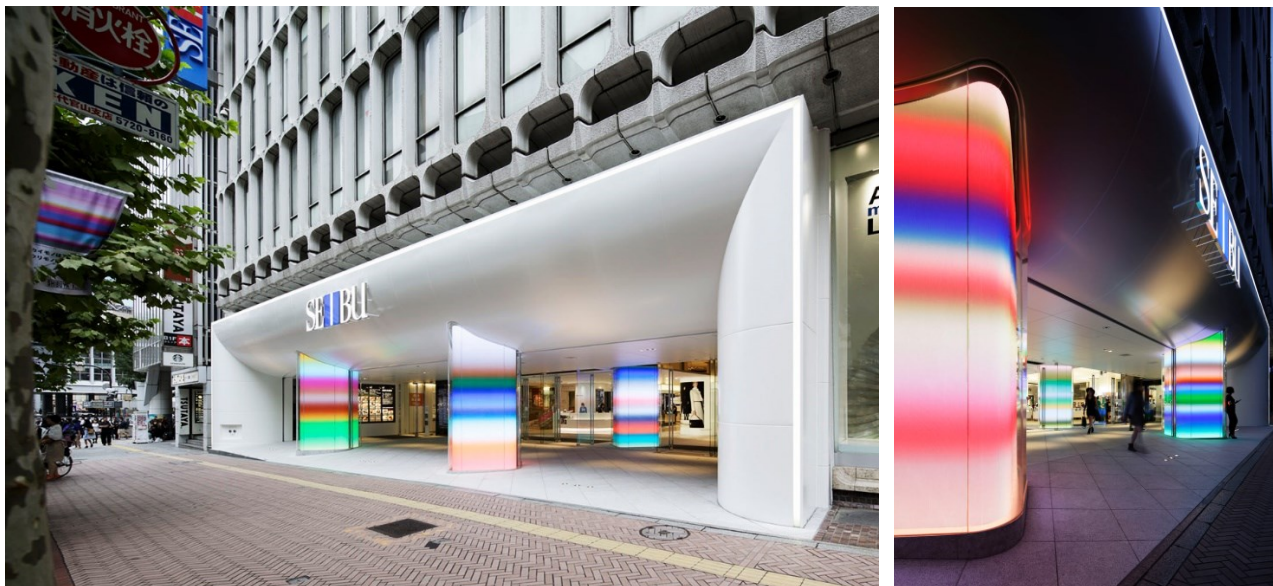

Рисунок 1. Chroma Actor, Токио

Figure 1. Chroma Actor, Tokyo

OLED-технологии (органические светодиоды). Органические светодиоды (рис. 2) создают ультратонкие, гибкие и полупрозрачные поверхности. Их интеграция в конструкции зданий, мостов и улиц формирует уникальный визуальный облик городской среды.

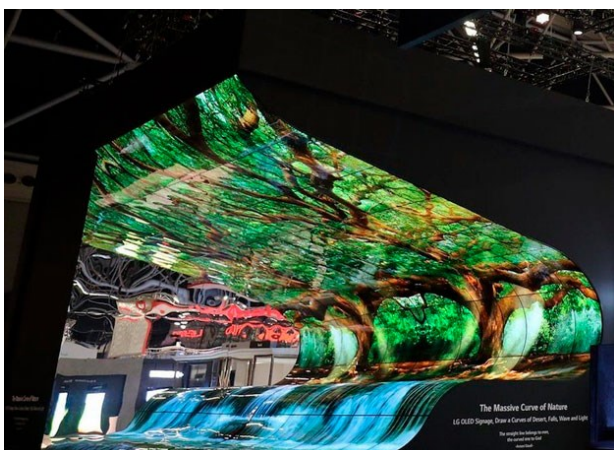

Рисунок 2. Chroma Actor, Токио

Figure 2. Chroma Actor, Tokyo

Энергосберегающие и автономные устройства. Солнечные панели и ветрогенераторы обеспечивают независимое энергоснабжение уличных МАФ. Современные системы накопления гарантируют стабильную работу в любых погодных условиях, повышая надёжность городской инфраструктуры.

Таким образом, городская иллюминация объединяет инновационные технологии, экологическую осознанность и заботу о благополучии населения. Она формирует безопасную многофункциональную среду, повышающую качество жизни.

Практические решения. Современные светодиодные системы позволяют создавать функциональные и эстетичные объекты, трансформирующие городское пространство. Примеры реализаций:

Подсветка входных групп. Декоративное освещение создаёт эффект красной дорожки, акцентируя вход в здание (рис. 3). Решение сочетает эстетику с функциональностью: обозначает маршрут и повышает безопасность.

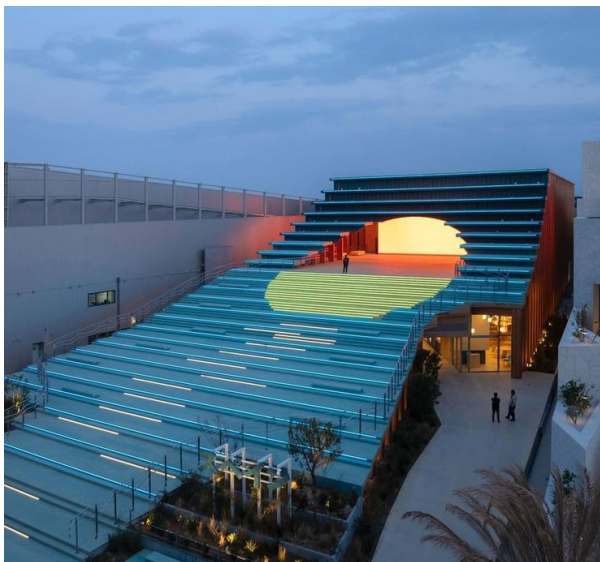

Рисунок 3. Пример подсветки входной группы
Figure 3. An example of entrance group lighting

- Подвижные фасадные светильники. Регулируемое направление света позволяет динамично изменять световые композиции на фасадах, создавая уникальную атмосферу. Особенно востребовано в общественных зонах: отелях, ресторанах.
- Световые картины. Светодиодные проекции преобразуют стены в арт-объекты, формируя живописные визуальные образы (рис. 4).

Эти примеры демонстрируют, как технологичный дизайн трансформирует восприятие пространства, сделав его более выразительным и запоминающимся.

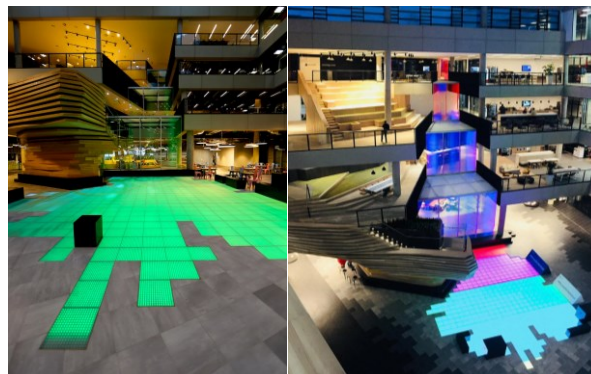

Рисунок 4. Установка Digital Lake в Microsoft, Дублин [Digital Lake]
Figure 4. Digital Lake Installation in Microsoft, Dublin

Вид вечерней подсветки и её зависимость от характеристик объекта и местоположения. Исследование реакции людей на цвет и яркость освещения — перспективное направление на стыке психологии, дизайна и инженерии [Щепетков 2006, с. 119–123]. Как показывает практика (рис. 5), режим освещения определяется характеристиками здания:

- Для исторических памятников предпочтительна тёплая палитра цветов (золотистые оттенки, мягкий белый), подчёркивающая детали и создающая определённую атмосферу.
- При проектировании административных и офисных зданий уместно использовать сдержанные оттенки синего и зелёного спектра, стимулируя отдых после напряжённого дня.
- В развлекательных центрах или торговых комплексах оправдано применение ярких насыщенных цветов и быстрой смены изображений для привлечения внимания.

Рисунок 5. Примеры освещения в зависимости от типа зданий
Figure 5. Examples of lighting depending on the type of building

Локация объекта является следующим по важности критерием:

- Центральные районы мегаполисов с высокой активностью требуют активных контрастных решений.

Интенсивная яркость подчеркивает динамику жизни.

- Спальные районы используют мягкую подсветку с плавными переходами. Приглушенные тона создают релаксирующую атмосферу.

Влияние цветовых переходов в конце рабочего дня

Восприятие цветовой гаммы и ритма их смены мозг распознает как значимые сигналы, влияющие на активность и эмоциональное состояние. Исследования [Smolensky 2017, Cheung 2016] демонстрируют следующее:

- Холодные оттенки (синий, голубой): создают ощущение свежести и прохлады, помогают сконцентрироваться и повысить работоспособность. Идеально подходят для кафе и точек быстрого питания, помогая посетителям почувствовать себя отдохнувшими и бодрыми.
- Теплые оттенки (оранжевый, жёлтый): напоминают тепло домашнего уюта, вызывая спокойствие и умиротворение. Эффективны в ресторанах, театрах и кинотеатрах для формирования расслабляющей атмосферы.
- Зелёные и фиолетовые цвета способствуют снятию напряжения и стресса. Наиболее гармоничны в оформлении парков, скверов и культурных учреждений.

Кроме того, скорость переключения цветов также воздействует на эмоциональное состояние прохожих:

- Медленная смена цвета: способствует адаптации мозга, снижает усталость и обеспечивает глубокую релаксацию.
- Быстрая смена цвета: стимулирует внимание и прилив энергии, но может привести к утомлению и раздражительности.

Поэтому выбор скорости чередования оттенков критичен и должен соответствовать назначению пространства.

Характеристики источников света и их восприятие

Ключевые параметры освещения и их влияние на наблюдателя:

- Интенсивность. При высоких показателях вызывает возбуждения нервной системы, что ведет к быстрому переутомлению. Умеренное освещение способствует восстановлению сил.
- Скорость смены цвета. Быстрое переключение привлекает внимания, однако может вызывать утомление глаз. Медленная смена снижает нагрузку на зрение и нервную систему.
- Цветовой спектр. Грамотный подбор цветов создает нужное настроение: холодные оттенки бодрят, теплые — расслабляют.

- Частота смены композиции. Скорость смены композиций должна соответствовать функциональному назначению зоны: динамичная смена подходит для активных зон, а плавная — для зон отдыха.

Примеры

В вечернее время жилые районы освещаются мягким теплым светом, который выгодно выделяет резные оконные рамы и фасадные детали. Желтоватые оттенки создают уютную атмосферу, даря ощущение тепла и домашнего комфорта после рабочего дня (рис. 6).

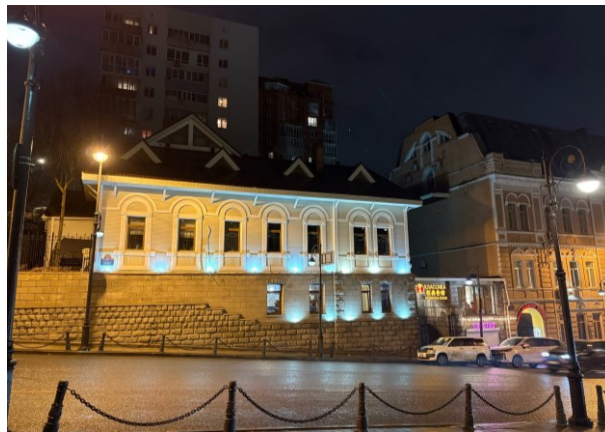

Рисунок 6. Здание на Океанском проспекте 28, Владивосток

Figure 6. Building at 28 Okeansky Avenue, Vladivostok

Теперь рассмотрим торговый центр Владивостока. Его фасад украшают динамичные RGB-панели с плавными переливами базовых цветов, создающие завораживающую световую картину. Это зрелище мгновенно привлекает внимание прохожих, стимулируя покупательскую активность. Световые потоки заряжают энергией, улучшают эмоциональный фон и формируют атмосферу современного мегаполиса (рис. 7).

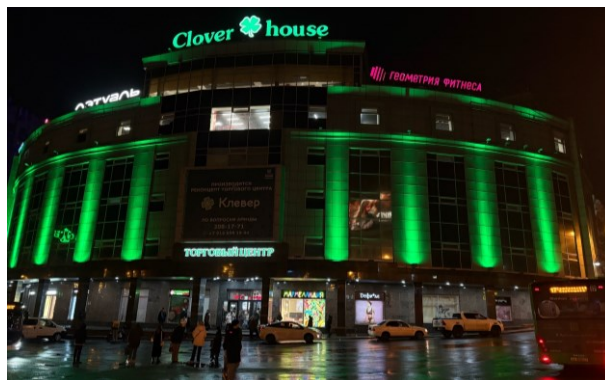

Рисунок 7. Торговый центр Clover house, г. Владивосток

Figure 7. Clover House Shopping Center, Vladivostok

Современные инструменты цифровой адаптации позволяют эффективно влиять на поведенческие паттерны, улучшая настроение и психологическое состояние людей в вечернее время.

Световое загрязнение

Однако важно учитывать чувствительность человеческого организма к искусственному освещению, что делает проблему светового загрязнения особенно актуальной для современных городов. Это явление, вызванное избыточным или неправильно направленным светом, серьезно нарушает биологические ритмы. Последствия для здоровья включают:

- бессонницу;
- повышенную тревожность и раздражительность;
- депрессивные состояния;
- длительную нагрузку на сердечно-сосудистую и иммунную системы.

Исследования также связывают световое загрязнение с ростом риска ожирения, диабета и отдельных видов онкологических заболеваний. Работы ученых в США и Италии выявили корреляцию с увеличением распространенности болезни Альцгеймера.

Особую опасность представляет синий (холодный) свет от светодиодов в рекламных конструкциях. Его воздействие на сетчатку и другие структуры глаза считается почти вдвое агрессивнее по сравнению с естественным светом. Проблему усугубляет и то, что в городской среде расстояние до таких источников часто оказывается меньше безопасного.

Поэтому для минимизации вреда светового загрязнения необходимо опираться не только на санитарные нормы освещения, но и на правила градостроительного зонирования, регулирующие архитектурный облик застройки.

1. Организация подсветки должна минимизировать светорассеяние вверх и в стороны. Одновременно требуется возможность регулировки яркости в зависимости от времени суток и потребностей общественных зон. Предпочтение следует отдавать лампам с теплым светом (ниже 3000 К), так как они содержат меньше вредного синего спектра, негативно влияющего на экосистемы и здоровье людей.
2. Применение энергосберегающих и экологических источников света, например светодиодов.
3. Установка адаптивных систем освещения: автоматическая настройка яркости и цветовой температуры в зависимости от времени суток и окружающих условий. Минимизация ночной подсветки зданий и рекламных конструкций в нерабочие часы; использование датчиков движения и таймеров для отключения света в отсутствие людей.

Выводы

Таким образом, комфортная вечерняя среда города формируется благодаря продуманной стратегии цветосветового оформления. В ней должны быть учтены климатические особенности, дни недели, интенсивность движения, характер застройки и функциональность пространства.

Проведенное исследование подтверждает значительное влияние освещения на психоэмоциональное состояние человека. Особенно важно, что мягкий рассеянный свет создает ощущение спокойствия и гармонии, способствует расслаблению и улучшению настроения. В то же время установлено негативное воздействие излишне резкого контрастного освещения и чрезмерной цветовой яркости. Они вызывают зрительное утомление, повышают нервозность и раздражительность.

Правильное распределение световых потоков, выбор подходящих оттенков и уровня освещенности позволяют создать приятную вечернюю атмосферу, положительно влияющую на самочувствие жителей и посетителей города.

Список литературы

1. Cheung I.N., Zee P.C., Shalman L.V., et al. Morning and evening blue-enriched light exposure alters metabolic function in normal-weight adults. PLOS ONE. 2016.
2. Smolensky M.H., Lemmer B. Circadian rhythm disorders: The role of artificial lighting at night. Sleep Medicine Reviews, Journal of Allergy and Clinical Immunology. 2018.
3. Гейл Я. Города для людей М.: Крост. Москва, 2012. с. 193–205.
4. Хомякова Ю.Р., Вовженяк П.Ю. Возможности современных технологий в светодизайне // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. 2019. №6. С. 63–69.
5. Щепетков Н.И. Световой дизайн города: учеб. пособие. М.: Архитектура-С, 2006. с. 119–123.
6. Яковенко Н. Е., Привалова Е. Н. Приемы светодизайна в архитектурной среде // Строительство и техногенная безопасность. 2023. №29 (81). С. 5–11.

References

1. Cheung I.N., Zee P.C., Shalman L.V., et al. Morning and evening blue-enriched light exposure alters metabolic function in normal-weight adults. PLOS ONE. 2016.

2. Smolensky M.H., Lemmer B. Circadian rhythm disorders: The role of artificial lighting at night. *Sleep Medicine Reviews, Journal of Allergy and Clinical Immunology*. 2018.
3. Gail Ya. *Cities for people*, Moscow: Krost. Moscow. 2012. Pp. 193–205.
4. Khomyakova Yu.R., Vovzhenyak P.Yu. The possibilities of modern technologies in lighting design // *Bulletin of the BSTU named after V. G. Shukhov*. 2019. N.6. Pp. 63–69.
5. Shchepetkov N.I. *Light design of the city: textbook. the manual*. Moscow: Architecture-S., 2006. Pp. 119–123.
6. Yakovenko N.E., Privalova E.N. Techniques of lighting design in the architectural environment // *Construction and technogenic safety*. 2023. №29 (81). Pp. 5–11.

Материал передан в редакцию 15.01.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1002>

Функциональная трансформация клубов: от рабочего клуба к культурно-досуговому центру

Елена Духанина

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова

e.dukhanina@nsuada.ru, [ORCID](#)

Аннотация

В статье рассматриваются процессы изменения роли и функций клубных учреждений. Автор анализирует переход от традиционных форм клубов к более гибким и многофункциональным центрам, ориентированным на культурно-досуговую деятельность, сохранение народных ремёсел и традиций, а также создание новых форм творчества для поддержки креативных индустрий. В рамках этой трансформации выделяются новые функции клубов, такие как развитие инновационных культурных практик, поддержка локальных инициатив, содействие социальному взаимодействию и интеграции различных сообществ, а также образовательные и просветительские программы, способствующие формированию культурной компетентности. Затрагивается вопрос об актуальности классификации на основе административно-территориального статуса, предлагается новая классификация клубных учреждений, основанная на их функциях.

Ключевые слова: клубные здания, функции клубов, функциональная трансформация клубов, культурно-досуговые центры, современная типология клубов, классификация клубных учреждений

Для цитирования: Духанина Е.С. Функциональная трансформация клубов: от рабочего клуба к культурно-досуговому центру // Творчество и современность. 2026. № 1. С. 12–19.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1002>

Functional Transformation of Clubs: From a Workers' Club to a Cultural and Recreation Center

Elena Dukhanina

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

e.dukhanina@nsuada.ru, [ORCID](#)

Abstract

This article examines the changing role and functions of club institutions. The author analyzes the transition from traditional club forms to more flexible and multifunctional centers focused on cultural and leisure activities, the preservation of folk crafts and traditions, and the creation of new forms of creativity to support creative industries. This transformation highlights new functions of clubs, such as the development of innovative cultural practices, support for local initiatives, the promotion of social interaction and the integration of diverse communities, and educational and outreach programs that foster cultural competence. The relevance of classification based on administrative-territorial status is addressed, and a new classification of club institutions based on their functions is proposed.

Keywords: club buildings, functions of the club, functional transformation of clubs, cultural and leisure centers, modern club typology, club institution classification

For citation: Dukhanina E. (2026) Functional Transformation of Clubs: From a Workers' Club to a Cultural and Recreation Center. *Creativity and modernity*. 31 (1). 12–19.

Введение

Клубы как форма общественного и культурного пространства прошли долгий путь развития: от мест для отдыха и обучения рабочих классов до современных многофункциональных культурных центров, способных удовлетворить широкий спектр потребностей современного общества. В условиях изменения социальной структуры, технологического прогресса и модернизации культурной политики клубы претерпевают значительную функциональную трансформацию, интегрируя в себя элементы образовательных, творческих, выставочных, деловых и общественно значимых программ.

Цель статьи — проследить исторические этапы развития клубных институтов, рассмотреть их современные функции и проанализировать основные проблемы современной типологии клубных зданий. Особенно остро встает вопрос об актуализации понятий, таких как культурный центр, культурно-досуговый центр, арт-резиденция, и их место в современной классификации клубных и досуговых учреждений.

Полученные результаты и их обсуждение

Исторически клубы возникли как пространства для социализации и самоорганизации различных общественных слоев. Первыми культурно-просветительскими учреждениями в России, ориентированными на широкие слои населения, стали Народные дома. Большинство народных домов были открыты и содержались попечительством о народной трезвости, а также их финансировали частные лица — члены императорской фамилии и предприниматели. Народные дома часто размещались в существующих зданиях, однако по возможности строились и новые здания.

Клубное движение начало активно развиваться в начале XX века, первоначально позиционируясь как рабочие клубы, предоставляющие возможность для досуга, обучения и культурного развития трудящихся. Главное внимание уделялось коллективным формам организации свободного времени: обучение грамотности и чтению, театральные кружки, организация праздников, спортивные мероприятия.

В архитектуре ранних клубов прослеживается два функциональных блока помещений: театральная часть (зрительный зал и помещения для его обслуживания для массовой работы) и кружковая часть

(кружковые помещения для работы в небольших группах) [Лухманов 1930, с. 15]. Первые рабочие клубы чаще всего имели симметричный план со зрительным залом в центре и клубными помещениями по бокам. Однако встречались и проекты с асимметричным планировочным решением, где зрительная и клубная части имели разный объем. В архитектуре первых рабочих клубов ярко отразились тенденции советского конструктивизма. Основными элементами этого стилистического направления можно назвать лаконичность форм, строгую геометрию и высокую функциональность всех элементов.

В 1930–1950-е годы клуб играл роль не только досугового, но и идеологического института, призванного транслировать гражданам социалистические идеи, организовывать коллективные мероприятия и распространять культурные ценности. Клубы становились центрами массовой культуры, объединяющими народное творчество, театральные постановки, музыкальные и танцевальные коллективы. Они представляли собой важные инструменты социальной интеграции и культурного просвещения. Таким образом, закрепилась государственная идея клубного здания как культурно-просветительского центра, его виды деятельности и задачи. В послевоенное время происходит подъем промышленности и жилищного строительства, клубы становятся обязательной частью социальной инфраструктуры районов, как детские сады и школы.

В проектах клубов того времени также доминировали два функциональных блока: зрительная часть и кружковая часть. Однако внутренний состав помещений усложнился, произошло увеличение площадей клуба и объемов клубной части. В проект стали включать библиотеки, кинопрокатные залы, спортивные залы, административные и вспомогательные помещения. Если в 1930-ых годах доминирующим стилистическим направлением в советской архитектуре был конструктивизм, то с начала 1940-х годов до 1955 года ему на смену пришел сталинский ампи́р. В проектах клубов в стиле сталинского ампи́ра были сложные объемно-планировочные решения, богатый декор как фасадов, так и интерьеров общественных пространств (вестибюлей, холлов, актовых залов). Стены украшались мраморными плитами, декоративной штукатуркой, часто использовались мозаичные панно и барельефы на советскую тематику.

После 1955 года и до 1990-х годов клубы получили статус массовых культурных учреждений, работающих по централизованным программам. Клубы представляли собой культурно-досуговые объекты со зри-

тельными залами, художественными мастерскими, кружковыми помещениями, спортивными залами. Помимо массовых культурно-досуговых функций, клубы являлись механизмом просветительской и идеологической работы.

Кроме того, клубы стали принадлежностью определенных территориально-структурных единиц: городского центра, микрорайона, жилых районов, в следствие чего появились дома и дворцы культуры городского или местного значения. В сельской местности стали проектировать сельские клубы, расположенные на участках отделений колхозов и совхозов, и районные Дома культуры, расположенные в районных центрах. Вместимость клубов и соотношение зрительной и кружковой частей начали определяться исходя из численности обслуживаемого населения, которое проживало на соответствующей территории [Здания клубов 2018].

После распада СССР в 1991 году многие клубы столкнулись с сокращением финансирования и утратой четкой идеологической миссии. Была нарушена система централизованного управления в сфере культуры и единая культурная политика (общедоступность образования, государственная поддержка всего спектра культурно-просветительных учреждений и т. д.), наступил период переосмысления роли клуба в новом государстве и обществе, переход к рыночной экономике. Кроме этого, появились альтернативные площадки для проведения досуга: кинотеатры и торгово-развлекательные центры.

Далее последовал ряд реформ в области культурной политики, которые определяли экономические и правовые аспекты развития клубной сети. Основные направления реформ в области культурной политики после распада СССР:

1. ликвидация монополии государства на управление культурной жизнью, предоставление учреждениям культуры самостоятельность в организации деятельности;
2. разграничение полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти в вопросах культуры;
3. разработка и целевое финансирование федеральных и региональных программ, предусматривающих сохранение и развитие культуры, в том числе

ремонт или реконструкция зданий учреждений культуры;

4. развитие поддержки креативных индустрий [Козлова 2015, с. 581].

Эти реформы, с одной стороны, привели к росту самостоятельности и инициативности клубов в области выбора программ, в организации своей деятельности, но с другой стороны, привели к сокращению числа клубных учреждений из-за нехватки финансирования. Так, в 2001 году насчитывалось 52 440 единиц учреждений культурно-досугового типа¹, в 2013 году — 44 350 единиц², в 2024 году — 40 589 единиц³.

На сегодняшний день все еще идет процесс переосмысления назначения клубных учреждений. Основной проблемой в определении концепции современного клуба и его функций видится в отсутствии единого документа, в котором было бы представлено современное видение клубов, их структура и классификация. Согласно классификации общественных зданий, изложенному в СП 118.13330.2022. Общественные здания и сооружения, Приложение Б, клубные и досугово-развлекательные учреждения входят в Функционально-типологическую группу А — Здания и сооружения для объектов, обслуживающих население [СП 118.13330.2022, с. 38]. В Примерном положении о государственном и муниципальном учреждении культуры клубного типа, под клубным учреждением понимается организация, основной деятельностью которой является предоставление населению разнообразных услуг социально-культурного, просветительского, рекреационного характера, создание условий для занятия любительским художественным творчеством [Примерное положение 2002, с. 1].

При этом, в Положении приводится условный перечень учреждений, которые относятся к клубным учреждениям:

- функционирующие по административно - территориальному признаку: сельские (поселковые, городские) клубы; сельские (центральные, зональные, районные, городские, окружные, областные, краевые, республиканские) дома и дворцы культуры; центры культуры и 2 досуга, культуры и искусств; культурно-спортивные, социально-культурные, культурно-досуговые комплексы и т.п.;

¹ Проект Концепции клубной деятельности в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: https://dnt.nso.ru/sites/dnt.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2023/12/club.pdf

² Развитие культуры и искусства в Российской Федерации в цифрах. URL: https://media.75.ru/documents/14005/02_o_razvitie_kultury_v_cifrah_11.pdf

³ Культурно-досуговые учреждения и парки культуры и отдыха Российской Федерации в цифрах. 2024 год. URL: <https://stat.mkrf.ru/upload/iblock/967/96700d15c1580a1ad7c995a0f649cda7.pdf?ysclid=mm1iupx1q7141807587>

- ориентированные на культурные интересы определенных профессиональных, национальных и других социально-демографических категорий населения: центры эстетического воспитания детей, технического творчества, клубы и дома творческой интеллигенции, женщин, молодежи, пенсионеров, центры традиционной культуры, дома ремесел и фольклора, национально - культурные центры и т.п.;
- специализирующиеся на передвижном характере деятельности, с использованием различных транспортных средств: автоклубы, агиткультбригады, плавучие культбазы и т. п.

В 2017 году была опубликована Концепция клубной деятельности в Российской Федерации на период до 2030 года. В ней актуализируется понятие «учреждение культуры клубного типа» как некоммерческая культурно-досуговая организация, основной деятельностью которой является предоставление населению разнообразных услуг социально-культурного характера, создание условий для занятий любительским художественным и техническим творчеством, сохранения и актуализации народных традиций. А многофункциональной площадкой определена как «центр культурного развития» или «инновационный культурный центр» — это многофункциональное культурно-досуговое учреждение клубного типа, совмещающее функции учреждения культуры (проведение концертов, выставок, спектаклей, кинопоказов), образовательного центра (проведение мастер-классов, организация методической помощи, курсов, медиатек, творческих студий и мастерских) и общественного пространства (организация досуга, дискуссионных клубов, проведение физкультурно-оздоровительных мероприятий) [Проект Концепции 2018, с. 4].

В Концепции говорится о появлении новых форм клубных учреждений, таких как: дома фольклора, центры ремесел, центры традиционной культуры, дома дружбы народов, этнокультурные центры, национально-культурные центры и др. Типология учреждений культуры клубного типа представлена по следующим параметрам: по административно-территориальному принципу (муниципальные и региональные); по видам деятельности (многопрофильное, однопрофильное или смешанное); по ориентации на социально-демографические категории населения (центры эстетического воспитания детей, технического творчества, клубы ветеранов, женщин, молодежи и т. д.).

Во-первых, в этих документах приводится условный перечень клубных учреждений, но нет точных определений и отличий этих учреждений друг от друга. Например, дворец культуры, центр культуры и культурно-досуговый центр или комплекс. Такое количество разных названий, по сути, одного и того же учреждения, приводит к замене понятия «клубное учреждение» понятием «учреждение культурно-досугового типа».

Во-вторых, в предложенных классификациях деление по административно-территориальному признаку вызывает противоречие. Предложенная в 1991 году классификация клубов была основана на административно-территориальном статусе, согласно которой учреждения клубного типа имели свой организационный статус: городские дома и дворцы культуры, городские клубы, сельские и районные дома и дворцы культуры, центры культуры и досуга и т.д. [Справочное пособие 1991]. Сейчас наблюдается тенденция к переименованию клубного формирования из дворца культуры в культурно-досуговый центр, что приводит к нарушению логики этой классификации.

Кроме того, такая градация по территории зачастую не отражает реальных культурных и социальных потребностей населения. В СП 476.1325800.2020 «Территории городских и сельских поселений. Правила планировки, застройки и благоустройства жилых микрорайонов» указано, что обязательным при проектировании жилого микрорайона является размещение объектов социальной инфраструктуры повседневного и периодического спроса, а именно в части клубных учреждений – помещения для культурно-массовой работы, досуга и любительской деятельности, при этом они могут быть встроенные, встроенно-пристроенные, пристроенные к жилым и общественным зданиям. [СП 476.1325800.2020, с. 20] Культурные центры, которые могут быть размещены как отдельностоящие здания, допускается размещать дополнительно. Разделение клубных учреждений по административно-территориальному признаку остаётся актуальным для систематизации и управления существующей сетью, однако современная культурная политика стремится к созданию крупных многофункциональных площадок, ориентированных на всё городское сообщество, что позволяет эффективно концентрировать ресурсы и предлагать разнообразные программы без чёткой территориальной привязки. При этом на уровне районов и микрорайонов клубная функция органично интегрируется в жилую застройку или небольшие многофункциональные центры, обеспечивая доступ

ность культурно-досуговых услуг в повседневной жизни и поддерживая локальные социальные связи. В-третьих, предложенная в Концепции классификация указывает на многофункциональный характер современного клубного здания, отмечается необходимость развития клуба как творческой площадки, в которой осуществляется поддержка местных талантов и инициатив, креативных индустрий и инноваций, что помогает создавать новые формы искусства и культурного досуга.

В связи с появлением запроса на развитие креативных индустрий, некоторые клубы развивают себя в качестве городских арт-резиденций — культурных пространств, объединяющих представителей творческих профессий и предпринимателей в сфере искусства, музыки и ремёсел. Они представляют собой студии, мастерские и коворкинги общественного пользования, место образования и событий. В России к успешным арт-резиденциям, созданных на базе бывших домов и дворцов культуры, можно отнести Арт-резиденцию «Каменка» в Красноярске (бывший Краевой дворец молодежи) и Арт-резиденцию «Юность» в Новосибирске (бывший Дом культуры «Юность»). Особенность арт-резиденций заключается в том, что формат клубных формирований перешел к резидентству, а культурные мероприятия, приуроченные к праздникам и сезонам, заменили локальные события. Резиденты полностью используют инфраструктуру пространства, разрабатывают собственные мероприятия, акции и участвуют в проектах Арт-резиденции.

Попытки концептуализировать новые функции клубных учреждений и их современные формы находят своё отражение не только в нормативно-правовых актах, но также в исследованиях архитекторов, руководителей культурных учреждений и иных специалистов, участвующих в развитии данной сферы. Архитекторы бюро VISOTA, Алексей Боев и Дарья Наугольнова, исследовали функции домов культуры и разрабатывали проекты их модернизации в рамках проекта «Идентичность в типовом». Архитекторы рассматривают современные дворцы культуры как учреждения, которые должны удовлетворять широкий спектр потребностей населения — от искусства до культуры общения, семейного досуга и социального взаимодействия. Авторы исследования говорят о важности найти способ массово превратить советские клубы в общественные центры с устойчивой финансовой программой, актуальным наполнением и сохранённой самобытностью [Идентичность 2020].

В процессе реконструкции московских кинотеатров в многофункциональные районные центры архитекторы уделяют особое внимание адаптации функций каждого центра под нужды жителей конкретного района. Концепцию сети «Место встречи» разработало бюро Аманды Ливит, адаптированную российскими архитекторами ADG group. Авторы проекта придерживаются современной концепцией районных центров. Районный центр рассматривается как точка притяжения района для удовлетворения потребностей на разных уровнях и для всех возрастных групп населения [Реконструкция 2024]. Такие объекты становятся точками притяжения, объединяя в себе культурные, образовательные, досуговые и коммерческие функции — от кинотеатров и кафе до спортивных студий и магазинов, что помогает удовлетворить потребности разных возрастных групп и повысить комфорт городской среды.

Руководители клубных учреждений также рассуждают о современных функциях клубов и их месте в городском пространстве. Л.В. Фишер, директор Дворца культуры «Приморский» в Новосибирске, отмечает, что современный клуб должен не просто повышать культурный уровень населения, но и развивать человеческий капитал, объединять национально-культурные автономии в регионах. [Фишер 2019] Дворцы культуры в многонациональной России играют важную роль в сохранении и популяризации традиций различных народов через фестивали, выставки и мастер-классы, укрепляя тем самым культурный диалог и социальную интеграцию. О.Б. Мигина, директор Дома культуры «ТЕМП» в Москве называет современный клуб «третьим местом» — пространством для общения, творчества и обучения вне дома и работы [Современный Дом культуры 2024]. Сегодня клубы стали городским общественным пространством, они выполняют роль площадок для культурного обмена, социальных инициатив и развития локальных сообществ, способствуя формированию комфортной городской среды.

Исходя из вышеперечисленных концепций понимания роли клуба в современном обществе и городской среде, современный клуб видится как специализированное многофункциональное учреждение, предназначенное для организации и проведения культурных, образовательных, выставочных, спортивных и социальных мероприятий, а также для предоставления пространства для общения и взаимодействия жителей района. Оно служит центром общественной жизни, способствуя развитию местного сообщества, интеграции различных социальных групп и сохранению культурного наследия (рис. 1).

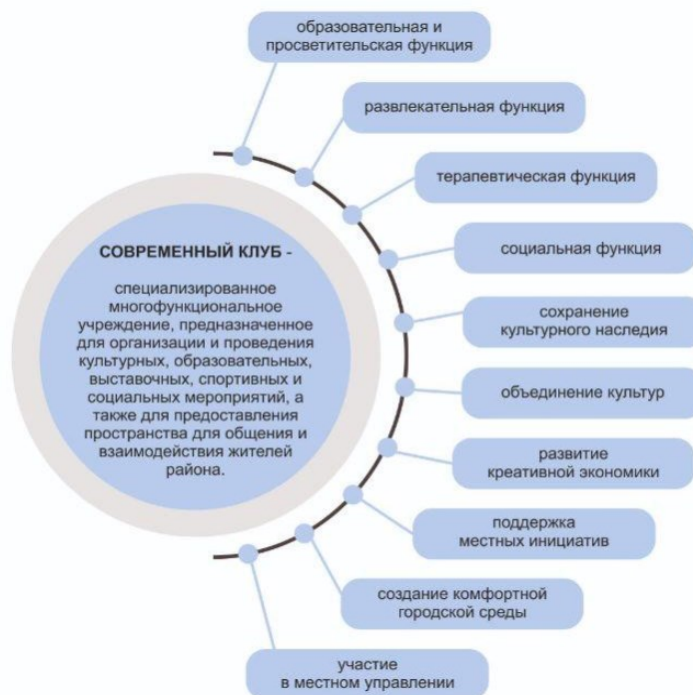

Рисунок 1. Современные функции клуба

Figure 1. Modern functions of the club

Выводы

1. Функциональная трансформация клубов — это отражение изменений в социально-культурных потребностях общества и вызов современности. От массово-просветительского института клубы трансформировались в многофункциональные культурные центры, объединяющие в себе культуру, творчество, образование, досуг и экономические инициативы в сфере креативной индустрии.
2. Сегодня сформировались несколько направлений деятельности клубов: культурно-досуговая деятельность, сохранение традиционной народной культуры и ремесел и создание новых форматов творчества для поддержки креативных индустрий. Ключевой вызов для развития клубного движения сегодня — это выработка единой методологии по классификации и развитию разнообразных форм клубных пространств (культурных центров, арт-резиденций, творческих пространств и др.) с учётом их функций. Административно-территориальное деление клубов, ранее имеющее ключевое значение, постепенно уступает место классификациям по функциональным признакам и интеграции в культурную среду, что способствует формированию более гибкой и адаптивной системы клубных учреждений.

3. Основой для новой типологии учреждений клубного типа может стать функциональное назначение: клуб общего типа — однопрофильный клуб для реализации культурно-досуговой деятельности, клуб специализированного типа — многофункциональное пространство с развитой специализированной функцией (молодежный центр, культурно-спортивный центр и т. д.), клуб комплексного типа — это пространство, которое объединяет клуб и различные виды деятельности и услуги, направленные на удовлетворение потребностей сообщества.

Список литературы

1. Козлова М.А. Культурная политика Российской Федерации в 2000-2014 годах: состояние и векторы трансформации // Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2015. 1596 с.
2. Лухманов Н.Д. Архитектура клуба. Москва: Театропечать. 1930. 103 с.
3. Фишер Л. В. Перспективы развития домов культуры в современной городской среде // Развитие территорий, 2019. №1 (15). С. 49–53.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Здания клубов. История возникновения [Электронный ресурс]. URL: https://www.archidizain.ru/2018/03/blog-post_28.html?ysclid=mlt12pq9mb608313035 (дата обращения: 19.02.2026)
2. Идентичность в типовом [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/russia/85358/identichnost-v-tipovom> (дата обращения: 20.02.2026) Примерное положение о государственном и муниципальном учреждении культуры клубного типа: Приложение N 1 к решению коллегии Министерства культуры Российской Федерации от 29 мая 2002 г. URL: https://mbumrdk.amur.muzkult.ru/media/2020/11/27/1245015144/Primernoe_polozhenie_o_gosudarstvennom_i_ezhdenii_kul_tury_klubnogo_tipa.pdf.
4. Проект Концепции клубной деятельности в Российской Федерации на период до 2030 года. [Электронный ресурс] URL: https://dnt.nso.ru/sites/dnt.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2023/12/club.pdf (дата обращения: 24.02.2026).
5. Реконструкция советских кинотеатров [Электронный ресурс]. URL: https://stroj.mos.ru/riekonstruktsiia-sovietskikh-kinotieatrov-stroj_mos?from=cl (дата обращения: 20.12.2025).
6. Современный Дом культуры: модернизация и ребрендинг [Электронный ресурс]. URL: <https://pro.culture.ru/blog/918> (дата обращения: 12.04.2025)
7. СП 118.13330.2022 «Общественные здания и сооружения». Утвержден приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 389/пр и введен в действие с 20 июня 2022 г.
8. СП 476.1325800.2020 «Территории городских и сельских поселений. Правила планировки, застройки и благоустройства жилых микрорайонов». Утвержден приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 24 января 2020 года №33/пр и введен в действие с 24 июля 2020 г.
9. Справочное пособие разработано к СНиП 2.08.02-89 «Проектирование клубов» // ЦНИИЭП им. Б.С. Мезенцева Госкомархитектуры. – М.: Стройиздат, 1991.

References

1. Kozlova M.A. Cultural Policy of the Russian Federation in 2000-2014: State and Vectors of Transformation. *Collection of Materials of the XII International Scientific and Practical Conference*. Yekaterinburg: UMC UPI, 2015. 1596 p.
2. Lukhmanov N.D. Architecture of the Club. Moscow: Teakinopechat. 1930. 103 p.
3. Fisher L.V. Prospects for the Development of Cultural Centers in a Modern Urban Environment. *Development of Territories*, 2019. No. 1 (15). Pp. 49–53.

Материал передан в редакцию 26.02.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1003>

Влияние искусственного интеллекта на формирование творческого метода архитектора

Елена Грузина

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова

e.a.gruzina@gmail.com, [ORCID](#)

Аннотация

Технологии искусственного интеллекта в архитектурном проектировании формируют новую профессиональную и образовательную реальность, требующую переосмысления роли архитектора и структуры архитектурного мышления. В отличие от предыдущих этапов цифровизации, связанных с CAD- и BIM-технологиями, современные генеративные системы затрагивают не только процессы реализации проектных решений, но и основы формообразования, включая композиционный поиск и принятие решений. Целью исследования является выявление трансформации творческого метода архитектора под влиянием искусственного интеллекта, а также анализ когнитивных и методических рисков его использования в образовательном процессе. В работе применен сравнительный анализ цифровых инструментов, включая BIM-системы, NURBS-моделирование и генеративные ИИ-технологии, а также метод теоретического обобщения современных практик архитектурного образования. Особое внимание уделено анализу технологий преобразования текста в форму (text-to-3D) и параметрических систем, интерпретирующих язык как инструмент проектирования. В результате установлено, что искусственный интеллект трансформирует роль цифрового инструмента в сторону соавторства, делегируя часть функций генерации архитектурных решений, а также способствует переходу от визуально-пространственного мышления к текстово-ориентированному взаимодействию с проектом. Выявлены риски атрофии когнитивных навыков при раннем использовании ИИ, а также проблема «фундаментального разрыва» в подготовке студентов, связанная с дефицитом навыков объемно-пространственного мышления. Показано, что генеративные модели склонны к усреднению архитектурных решений и снижению авторской уникальности. В выводах обоснована необходимость внедрения методики «сознательного проектирования», предполагающей поэтапное использование искусственного интеллекта, приоритетное развитие базовых профессиональных навыков и интеграцию ручных и цифровых методов, а также формирование способности критически работать с генеративными инструментами и использовать текст как осознанный медиатор между идеей и архитектурной формой.

Ключевые слова: искусственный интеллект, архитектурное образование, цифровое проектирование, творческий метод, метод архитектора

Для цитирования: Грузина Е.А. Влияние искусственного интеллекта на формирование творческого метода архитектора // Творчество и современность. 2026. № 1. С. 20–25.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1003>

The Artificial Intelligence Impact on the Formation of an Architect's Creative Method

Elena Gruzina

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

e.a.gruzina@gmail.com, [ORCID](#)

Abstract

Artificial intelligence technologies in architectural design are shaping a new professional and educational reality that requires a re-evaluation of the architect's role and the structure of architectural thinking. Unlike previous stages of digitalization associated with CAD and BIM technologies, modern generative systems affect not only the implementation of design solutions but also the very foundations of form-making, including compositional search and decision-making processes. The aim of the study is to identify the transformation of the architect's creative method under the influence of AI, as well as to analyze the cognitive and methodological risks of its use in the educational process. The study employs a comparative analysis of digital tools, including BIM systems, NURBS modeling, and generative AI technologies, alongside a method of theoretical generalization of modern architectural education practices. Particular attention is paid to the analysis of text-to-3D technologies and parametric systems that interpret language as a design tool. As a result, it has been established that AI transforms the role of the digital tool toward "co-authorship" by delegating a portion of generative functions to the machine, while facilitating a shift from visual-spatial thinking to text-oriented interaction with the project. The research identifies risks of cognitive skill atrophy with early AI adoption and highlights the "fundamental gap" in student training caused by a deficit in spatial thinking skills. It is demonstrated that generative models tend to average architectural solutions, leading to a decline in authorial uniqueness. The **conclusions** justify the necessity of implementing a "conscious design" methodology. This approach suggests the phased integration of AI, the prioritized development of core professional skills, and the integration of manual and digital methods. Furthermore, it emphasizes the ability to work critically with generative tools and use text as a conscious mediator between the idea and the architectural form.

Keywords: artificial intelligence, architectural education, digital design, creative method, architect's method

For citation: Gruzina E. (2026) The Artificial Intelligence Impact on the Formation of an Architect's Creative Method. *Creativity and modernity*. 31 (1). 20–25.

Введение

Цифровая трансформация архитектурного проектирования на протяжении последних десятилетий развивалась как поступательное усложнение инструментальной базы архитектора. Переход от ручной графики к системам автоматизированного проектирования (CAD), а затем к технологиям информационного моделирования зданий (BIM) сопровождался не только повышением точности и эффективности проектных решений, но и изменением структуры профессиональной деятельности [Иевлева, Чурсин 2025]. Но при всех технологических сдвигах архитектор сохранял статус основного носителя творческого мышления, а цифровые инструменты выполняли вспомогательную функцию.

Современный этап цифровизации, связанный с активным внедрением систем искусственного интеллекта, отличается от предыдущих. Если ранние технологии усиливали когнитивные способности человека, то ИИ начинает конкурировать с ними, предлагая альтернативные способы генерации проектных решений [Как меняется профессия... 2026]. Это приводит к трансформации самого понятия авторства в архитектуре и ставит под сомнение традиционные образовательные модели, ориентированные на постепенное формирование профессионального мышления через практику и рефлексию.

Особую актуальность данная проблема приобретает в контексте архитектурного образования, где происходит формирование базовых когнитивных структур, определяющих будущую профессиональную деятельность. В этих условиях возникает необходимость критического анализа влияния ИИ не только как технологического инструмента, но и как фактора, способного изменить саму природу архитектурного мышления [Костко и др. 2025, с. 10].

Методы и материалы

В основе исследования лежит комплексный подход, сочетающий сравнительный анализ цифровых инструментов и теоретическое осмысление образовательных практик.

Сравнительный анализ охватывает три ключевые группы технологий, представляющих различные этапы цифровой эволюции архитектурного проектирования:

- BIM-системы, ориентированные на структурирование и координацию проектной информации;

- инструменты NURBS-моделирования, обеспечивающие работу со сложной геометрией и формообразованием;
- генеративные системы искусственного интеллекта, направленные на автоматическое создание визуальных и композиционных решений.

Критерием сравнения выступает характер влияния инструмента на когнитивные процессы архитектора: способ формирования проектной идеи, уровень контроля над результатом и степень участия в творческом процессе.

Дополнительно используется метод проблемно-ориентированного анализа, позволяющий выявить противоречия между традиционной системой архитектурного образования и новыми цифровыми практиками. В рамках данного метода рассматриваются изменения в структуре учебного процесса, динамика формирования профессиональных навыков и влияние цифровых инструментов на качество проектного мышления.

Результаты и обсуждение

Одним из ключевых результатов исследования является выявление принципиального сдвига в роли цифровых технологий. В традиционной парадигме инструмент выступал как средство реализации замысла, формируемого архитектором. Даже в условиях использования BIM архитектор сохранял контроль над проектным решением, а система выполняла функцию оптимизации и координации [Иевлева, Чурсин 2025].

С внедрением искусственного интеллекта происходит качественное изменение: инструмент начинает участвовать в формировании самого замысла. Генеративные модели способны предлагать композиционные, стилистические и пространственные решения, основываясь на анализе больших массивов данных. ИИ становится не просто средством, а полноценным участником творческого процесса [Нейросети в архитектуре... 2026].

Это приводит к смещению роли архитектора от автора к куратору или редактору. Проектная деятельность начинает строиться как выбор и корректировка предложенных вариантов, а не как последовательное формирование идеи. В долгосрочной перспективе это может привести к снижению уровня глубинного понимания архитектурных закономерностей, поскольку процесс поиска решения замещается процессом отбора.

Особенно остро проблема проявляется в образовательной среде. Традиционная модель подготовки архитектора основана на принципе постепенного усложнения задач и накопления опыта через ошибки. Этот процесс формирует так называемую профессиональную интуицию — способность оценивать качество решения на основе усвоенных закономерностей.

Использование ИИ на ранних этапах обучения нарушает эту логику. Студент получает доступ к инструменту, который способен генерировать визуально привлекательные решения без необходимости глубокого анализа [Костко и др. 2025, с. 18]. В результате происходит сокращение фазы проб и ошибок, которая является критически важной для формирования когнитивных связей.

Возникает эффект «костыля», при котором цифровой инструмент компенсирует отсутствие навыков, но не способствует их развитию. Студент привыкает к получению готового результата и утрачивает мотивацию к самостоятельному поиску решения. Это приводит к формированию поверхностного профессионального суждения, основанного на внешней оценке («нравится — не нравится»), а не на структурном анализе.

В долгосрочной перспективе такая ситуация может привести к снижению качества профессиональной подготовки и утрате способности к самостоятельному проектированию.

Сравнение различных цифровых технологий позволяет выявить их специфическое влияние на формирование архитектурного мышления (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнение цифровых технологий моделирования
Table 1. Comparison of digital modeling technologies

Критерий	ВМ-системы	NURBS-моделирование	Генеративный ИИ
Преобладающая логика	Конструктивно-логическая	Геометрическая	Вероятностная
Вектор мышления	От детали к зданию (синтез)	От кривой к объему (скульптура)	От текста к образу (интерпретация)
Роль архитектора	Систематизатор-сборщик	Цифровой скульптор	Редактор-куратор
Риск для развития	Схематизм мышления	Оторванность от реализации	Атрофия навыка поиска решения
Главное преимущество	Техническая точность	Авторская уникальность	Скорость и вариативность

ВМ-системы формируют комбинаторное мышление, ориентированное на работу с элементами и их взаимосвязями. Проектирование осуществляется через манипуляцию типовыми объектами, что способствует развитию логики конструктивной организации, но ограничивает вариативность формообразования. В результате формируется приоритет функционально-конструктивных аспектов над художественными.

Инструменты NURBS-моделирования, ориентированы на непрерывную геометрию и работу с формой как первичной сущностью. Они сохраняют связь с традиционными методами макетирования, позволяя архитектору непосредственно взаимодействовать с объемом и пространством. Это способствует развитию пространственного мышления и поддерживает творческую составляющую [Воличенко, Ван 2026].

Генеративные ИИ-системы представляют собой принципиально иной тип инструмента. Их работа основана на статистическом обобщении существующих данных, что приводит к формированию «усредненного» образа. Несмотря на высокую скорость генерации и визуальную выразительность, такие решения часто лишены глубинной логики и конструктивной обоснованности.

Каждый тип инструмента не только расширяет возможности архитектора, но и формирует определенный тип мышления, что необходимо учитывать при построении образовательных программ.

Отдельного внимания заслуживает проблема снижения уровня базовой подготовки студентов. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению навыков ручного моделирования, рисунка и объемного восприятия. В условиях дефицита фундаментальных навыков цифровые инструменты

начинают выполнять заместительную функцию. Однако вместо расширения возможностей они маскируют недостатки подготовки. Студент, не обладающий развитым пространственным мышлением, способен создать визуально убедительный проект с помощью ИИ, не понимая его внутренней логики. Это приводит к формированию «разрыва» между внешним качеством результата и реальным уровнем профессиональной компетенции. В образовательной системе возникает иллюзия успешности, не подкрепленная глубинными знаниями.

Преодоление данного разрыва возможно только при условии интеграции традиционных и цифровых методов обучения. Ручное макетирование и рисунок должны рассматриваться не как устаревшие практики, а как необходимый этап формирования профессионального мышления.

Анализ принципов работы генеративных моделей позволяет сделать прогноз относительно их влияния на архитектуру. Так как ИИ обучается на существующих данных, он воспроизводит наиболее типичные и распространенные решения. Это приводит к эффекту усреднения, при котором исчезают экспериментальные и новаторские формы.

Массовое использование таких инструментов может привести к унификации архитектурной среды, утрате региональной специфики и снижению культурного разнообразия. Архитектура рискует превратиться в продукт алгоритмической оптимизации, ориентированный на визуальную привлекательность, но лишенный глубинного содержания и смыслов [Димитрюк и др. 2025].

В этом контексте особую значимость приобретает роль архитектора как носителя критического мышления и культурного контекста. Без осознанного ограничения использования ИИ существует риск трансформации профессии в деятельность по управлению алгоритмами, а не созданию архитектуры.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что внедрение искусственного интеллекта в архитектурное проектирование является не просто технологическим, но и методологическим вызовом.

Трансформация роли инструмента в сторону соавторства изменяет структуру творческого процесса и требует переосмысления профессиональной иден-

тичности архитектора. В образовательной среде это проявляется в риске утраты базовых когнитивных навыков, формирующих основу профессионального мышления.

Сравнительный анализ инструментов показывает, что различные технологии по-разному влияют на развитие творческого метода, что должно учитываться при формировании учебных программ. Особую опасность представляет раннее и неконтролируемое использование генеративных систем.

В связи с этим представляется необходимым внедрение методики «сознательного проектирования», предполагающей:

- поэтапное включение ИИ в образовательный процесс;
- приоритетное развитие навыков пространственного мышления;
- интеграцию ручных и цифровых методов;
- формирование критического отношения к результатам генерации.

При соблюдении этих условий возможно сохранение архитектора как творческого субъекта и предотвращение деградации архитектурной среды в условиях цифровой трансформации.

Список литературы

1. Воличенко О.В. Искусственный интеллект в творчестве современного архитектора (метод работы в Stable diffusion через интерфейс ComfyUI): Учебное пособие для СПО / О.В. Воличенко, Ц. Ван. Санкт-Петербург: ООО «Издательство Лань», 2026. 112 с.
2. Димитрюк Ю.С., Прокопенко В.И., Рожков П. В. Применение искусственного интеллекта в архитектурно-строительном проектировании: перспективы и вызовы // Инженерный вестник Дона. 2025. № 11. С. 946–954
3. Иевлева О.Т., Чурсин Р.В. Эволюция процесса архитектурного проектирования: от ручной графики к новейшим технологиям // Инженерный вестник Дона. 2025. № 2. С. 647–663.
4. Костко О.Ю. Интеграция искусственного интеллекта в архитектурное образование: философско-культурологические вызовы и педагогические стратегии / О.Ю. Костко, И.Г. Минулин, К.А. Туранская // Архитектура, строительство, транспорт. 2025. Т. 5, № 3. С. 8–25.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Как меняется профессия архитектора // МАРШ: школа архитектуры [Электронный ресурс]. URL: <https://march.ru/about/news/305890/> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Как ИИ меняет архитектурное проектирование: инсайды архитектора // МАРШ: школа архитектуры [Электронный ресурс]. URL: <https://march.ru/about/news/383264/> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Нейросети в архитектуре: от концепции к реализации // МАРШ: школа архитектуры [Электронный ресурс]. URL: <https://march.ru/about/news/384330/> (дата обращения: 22.03.2026).

References

1. Volichenko O.V. & Wang Z. (2026). Artificial Intelligence in the Creative Work of a Modern Architect (Workflow in Stable Diffusion via ComfyUI Interface): A Textbook for Secondary Vocational Education. Saint Petersburg: Lan Publishing House. 112 p.
2. Dimitryuk Yu.S., Prokopenko V.I. & Rozhkov P.V. (2025). Application of Artificial Intelligence in Architectural and Construction Design: Perspectives and Challenges. *Engineering Journal of Don*, (11), pp. 946–954.
3. Ievleva O.T. & Chursin R.V. (2025). Evolution of the Architectural Design Process: From Manual Graphics to the Latest Technologies. *Engineering Journal of Don*, (2), pp. 647–663.
4. Kostko, O. Yu., Minulin, I. G. & Turanskaya, K. A. (2025). Integration of Artificial Intelligence into Architectural Education: Philosophical and Cultural Challenges and Pedagogical Strategies. *Architecture, Construction, Transport*, 5(3), pp. 8-25.

Материал передан в редакцию 26.02.2026.

Урбанистика | Urban Studies

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1004>

Современные вызовы формирования общественных пространств в городах Сибири

Дарья Бабарыкина

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова

d.babarykina@nsuada.ru, [ORCID](#)

Аннотация

Статья посвящена анализу современных вызовов формирования общественных пространств в городах Сибири. Рассматриваются факторы, влияющие на развитие общественных пространств, включая особенности нормативно-правового регулирования, механизмы управления городской средой и практику реализации проектов благоустройства. На основе анализа инструментов оценки городской среды и исследований развития сибирских городов выявляются основные ограничения формирования общественных пространств, связанные с фрагментарностью проектных решений, несовпадением управленческих подходов и реальных практик использования городской среды.

Ключевые слова: общественные пространства, городская среда, благоустройство, города Сибири, качество городской среды, градостроительное регулирование

Для цитирования: Бабарыкина Д.В. Современные вызовы формирования общественных пространств в городах Сибири // Творчество и современность. 2026. № 1. С. 26–31.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1004>

Contemporary Challenges in the Formation of Public Spaces in Siberian Cities

Darya Babarykina

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

d.babarykina@nsuada.ru, [ORCID](#)

Abstract

The article examines contemporary challenges in the formation of public spaces in Siberian cities. The study considers factors influencing the development of public spaces, including the specifics of regulatory frameworks, mechanisms of urban environment governance, and the implementation practices of urban improvement projects. Based on the analysis of urban environment assessment tools and studies of the development of Siberian cities, the research identifies the main constraints affecting the formation of public spaces, including the fragmentation of design solutions, inconsistencies between governance approaches and actual patterns of urban space use.

Keywords: public spaces, urban environment, urban improvement, Siberian cities, urban environment quality, urban planning regulation

For citation: Babarykina D. (2026) Contemporary Challenges in the Formation of Public Spaces in Siberian Cities. *Creativity and modernity*. 31 (1). 26–31.

Введение

В последние десятилетия развитие российских городов в большей степени связано не с территориальным расширением, а с трансформацией сложившейся городской среды. В этих условиях особую роль приобретают общественные пространства как элементы пространственной структуры города, обеспечивающие условия для коммуникации, рекреации и социального взаимодействия жителей. В градостроительной теории они рассматриваются как один из ключевых факторов формирования комфортной городской среды и повышения качества жизни.

Для городов Сибири данная проблематика имеет особую актуальность. Суровые климатические условия, продолжительный холодный период и сезонная неравномерность использования открытых территорий существенно усложняют формирование и функционирование общественных пространств и требуют учета климатических ограничений при организации городской среды.

В Российской Федерации одним из инструментов мониторинга состояния городской среды выступает Индекс качества городской среды, разработанный Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Индекс используется для сопоставления городов и оценки эффективности программ благоустройства, однако его обобщенный характер не всегда позволяет выявить реальные проблемы функционирования общественных пространств.

Анализ практики развития городов Сибири показывает, что формирование общественных пространств сталкивается с рядом устойчивых ограничений, связанных с особенностями нормативно-правового регулирования, управленческих механизмов и фрагментарностью проектных решений. В результате многие территории, активно используемые жителями, оказываются вне системного регулирования и не включаются в программы благоустройства.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе научных публикаций, нормативно-правовых документов и инструментов оценки состояния городской среды. Теоретическую основу составили работы отечественных исследователей в области градостроительства, архитектуры городской среды и развития общественных

пространств. Методологическую базу исследования составляют методы сравнительного и структурного анализа, а также систематизации и интерпретации статистических и аналитических данных. Применение данных методов позволило рассмотреть общественные пространства как элементы пространственной системы города и выявить основные институциональные, нормативные и управленческие факторы, влияющие на процессы их формирования в городах Сибири.

Полученные результаты и их обсуждение

Анализ современных вызовов формирования общественных пространств в городах Сибири требует обращения к существующим инструментам оценки городской среды, определяющим приоритеты государственной и муниципальной политики в сфере благоустройства. Одним из ключевых инструментов такой оценки в Российской Федерации является Индекс качества городской среды, разработанный Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Он используется для сопоставления городов, оценки динамики развития городской среды и эффективности реализуемых программ благоустройства [Минстрой России, 2019]. Методика индекса основана на системе показателей, оценивающих различные типы городских пространств — жилые территории, улично-дорожную сеть, озелененные зоны, общественно-деловую и социально-досуговую инфраструктуру, а также общегородское пространство — по ряду критериев, включая безопасность, комфортность, экологичность и эффективность управления [Минстрой России, 2019]. Использование индекса позволяет получать сопоставимую оценку состояния городской среды и отслеживать динамику изменений в различных городах. Однако обобщенный характер показателя формирует ряд методических ограничений. Поскольку итоговая оценка складывается из совокупности различных параметров городской среды, улучшение отдельных показателей, например состояния улично-дорожной сети или жилищного фонда, может компенсировать более низкие значения, связанные с развитием озелененных территорий и общественных пространств. В результате проблемы, непосредственно влияющие на повседневные практики использования общественных пространств, могут оставаться

недостаточно отражёнными в итоговой оценке городской среды. Подобная особенность систем оценки городской среды отмечается и в ряде исследований, посвященных анализу городской политики благоустройства [Ерохин, Тимофеев, 2019]. Это требует дополнительного анализа факторов, определяющих особенности формирования общественных пространств в конкретных региональных условиях.

Региональная специфика состояния городской среды проявляется при сопоставлении показателей Индекса качества городской среды крупнейших городов Сибири с общероссийскими результатами. Несмотря на постепенное улучшение показателей, многие сибирские города продолжают уступать городам центральной части России по совокупному качеству городской среды. Так, по итогам оценки 2024 года Омск лишь незначительно превысил порог благоприятной городской среды, достигнув значения 181 балл. Аналитические материалы указывают на сохраняющиеся проблемы развития озелененных территорий и общественных пространств, которые не компенсируются ростом показателей улично-дорожной сети и деловой инфраструктуры. Более высокие значения индекса демонстрируют Новосибирск и Красноярск — 223 и 214 баллов соответственно. Однако даже при этих показателях города не входят в число общероссийских лидеров по качеству городской среды.

Характерной особенностью распределения результатов Индекса качества городской среды является концентрация городов-лидеров преимущественно в европейской части России. Среди сибирских городов устойчиво высокие позиции занимает лишь Тюмень, что позволяет рассматривать ее как отдельную траекторию развития городской среды в регионе. Данная ситуация свидетельствует о сохраняющемся региональном неравенстве качества городской среды и различиях в уровне ее развития между различными частями страны [Капогузов, Оводова, Чупин, 2020]. При этом обобщенные оценки индекса отражают общий уровень развития городской инфраструктуры, но не всегда позволяют выявить причины, по которым улучшение отдельных параметров городской среды не приводит к устойчивому повышению качества общественных пространств и удовлетворенности жителей городской средой.

Анализ современного состояния общественных пространств в городах Сибири показывает, что одним из факторов, ограничивающих их развитие, является

недостаточная нормативная определенность статуса значительной части территорий, фактически выполняющих общественные функции. К ним относятся внутриквартальные пространства, озелененные участки вдоль транспортных магистралей, транзитные зоны и фрагменты зеленых территорий в структуре жилой застройки, активно используемые жителями для отдыха, прогулок и общения. Как отмечают Г.П. Ерохин и К.О. Тимофеев, подобные пространства нередко остаются вне системы градостроительного регулирования, поскольку не имеют закрепленных границ и функционального статуса в документах территориального планирования. В результате они не включаются в муниципальные программы благоустройства и не рассматриваются как элементы системной организации городской среды, несмотря на их фактическую значимость для повседневной жизни горожан [Ерохин, Тимофеев, 2020]. Дополнительную сложность создает несоответствие между нормативным делением городской территории и фактическими практиками ее использования. В градостроительной системе пространство традиционно подразделяется на территории общего и частного пользования, тогда как в реальной городской среде широко распространены пространства смешанного характера — дворовые территории, транзитные зоны и озелененные участки жилой застройки, используемые более широким кругом жителей. Как отмечает Г.П. Ерохин, подобная ситуация нередко приводит к конфликтам между частным режимом владения и фактической общественной функцией пространства: жители ограничивают доступ к дворовым территориям, формируя новые пространственные барьеры в городской среде [Ерохин, 2024].

Официальные общественные пространства — парки, скверы, набережные и площади — обладают нормативной определенностью и включаются в программы развития городской среды. В то же время малые и переходные пространства остаются вне системы планирования, что формирует разрыв между реальной структурой городской среды и инструментами ее управления. Как отмечает М.Р. Колпакова, редакция Градостроительного кодекса РФ 2004 года сместила градостроительное регулирование в сторону землепользования и параметров застройки, тогда как вопросы пространственной организации городской среды оказались вне нормативного регулирования [Колпакова, 2018]. Несмотря на изменения градостроительного законодательства, вопросы качества

городской среды и пространственной организации общественных территорий остаются недостаточно закрепленными на нормативном уровне. Это ограничивает возможности реализации комплексного средового подхода и формирования устойчивой системы общественных пространств. Данные проблемы проявляются и в практике благоустройства городов. Основным инструментом государственной политики в этой сфере стала реализация федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». Однако, несмотря на масштабность программы, благоустройство в крупных городах Сибири нередко носит фрагментарный характер и осуществляется на отдельных участках городской территории, без учета общей пространственной структуры и связей между общественными пространствами.

На примере Новосибирска Т.Н. Дудина и О.С. Тарасова отмечают, что благоустройство общественных пространств нередко реализуется точечно, без учета общей структуры города и связей между пространствами [Дудина, Тарасова, 2020]. В результате формируются изолированные объекты, не образующие целостной системы общественных пространств. Аналогичные проблемы фиксируются и в других сибирских городах. Так, А.А. Медведева отмечает, что в Барнауле даже крупные проекты реконструкции общественных территорий сопровождаются противоречиями, связанными с недостаточным учетом экологических факторов и балансом функций городской среды, что в отдельных случаях приводит к общественной критике реализуемых преобразований [Медведева, 2020].

Дополнительным фактором, влияющим на эффективность реализуемых проектов, является различие представлений участников развития городской среды о функциях общественных пространств. Как отмечают Е.А. Капогузов, С.Н. Оводова и Р.И. Чупин, органы власти, городские активисты и жители нередко по-разному интерпретируют назначение городского пространства [Капогузов, Оводова, Чупин, 2020]. В управленческой практике благоустройство часто трактуется как инженерное обновление территории, тогда как для жителей общественные пространства выступают средой повседневной коммуникации, досуга и социальной активности. Подобное расхождение формирует разрыв между декларируемыми концепциями развития общественных

территорий и реальными практиками их использования. В результате многие проекты благоустройства оказываются слабо связанными с повседневными сценариями городской жизни, что снижает их эффективность.

Исследователи связывают данные противоречия с реактивной моделью развития городской среды, при которой решения принимаются в ответ на возникающие проблемы, а не в рамках долгосрочной стратегии. Как отмечают М.Р. Колпакова и Г.Н. Туманик, в таких условиях общественные пространства часто формируются как результат отдельных проектов, а не как элементы системной организации городской структуры [Колпакова, Туманик, 2012]. А в сибирских городах данная проблема усиливается климатическими условиями, требующими компактной и связанной структуры городской среды. Отсутствие системного подхода затрудняет формирование устойчивой системы общественных пространств.

Выводы

Проведенный анализ показал, что формирование общественных пространств в городах Сибири сопровождается рядом системных ограничений организационного, нормативного и управленческого характера. Инструменты оценки качества городской среды, включая Индекс качества городской среды, не всегда отражают реальное состояние общественных пространств, поскольку итоговые показатели формируются за счет совокупности различных параметров городской среды. Одновременно значительная часть территорий, фактически используемых жителями как общественные пространства, не имеет четко закрепленного нормативного статуса и не включается в систему градостроительного регулирования.

Трансформация градостроительного законодательства привела к смещению внимания нормативной базы в сторону регулирования землепользования и параметров застройки, тогда как вопросы пространственной организации городской среды и сценарного использования общественных пространств остаются недостаточно закрепленными.

В результате практика благоустройства городской среды носит преимущественно фрагментарный характер и реализуется через отдельные локальные проекты, не формирующие целостной системы общественных пространств в структуре города.

Список литературы

1. Дудина Т.Н., Тарасова О.С. О реализации национального проекта «Формирование комфортной городской среды» в г. Новосибирске // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник : материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 18–19 декабря 2019 года. Том Выпуск 3. Часть 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 852–853.
2. Ерохин Г.П., Тимофеев К.О. Комплексная оценка состояния благоустройства общественных территорий города Новосибирска // Творчество и современность. 2019. №2 (10). С. 91–109.
3. Капогузов Е.А., Оводова С.Н., Чупин Р.И. Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2 (16). С. 165–175.
4. Колпакова М.Р. Современные проблемы развития исторического города Сибири // Региональные архитектурно-художественные школы. 2012. № 3. С. 15–19.
5. Колпакова М.Р., Туманик Г.Н. Актуальные задачи архитектурно-пространственного развития исторической зоны центра Новосибирска // Градостроительство. 2012. № 3 (19). С. 61–65.
6. Медведева А.А. Вопросы обустройства общественных пространств и парков в крупнейших городах Сибири // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края. 2020. № 12. С. 46–55.
7. Туманик Г.Н., Колпакова М.Р. Сибирская (Новосибирск) градостроительная школа и современные проблемы формирования городской среды // Региональные архитектурно-художественные школы. 2020. № 1. С. 3–11.

References

1. Dudina T.N., Tarasova O.S. On the implementation of the national project "Formation of a comfortable urban environment" in Novosibirsk. *Greater Eurasia: development, security, cooperation: yearbook: materials of the XIX National scientific conference with international participation*, Moscow, December 18-19, 2019. Volume Issue 3. Part 1. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2020. Pp. 852–853.
2. Erokhin G.P., Timofeev K.O. Comprehensive assessment of the condition of public space improvement in the city of Novosibirsk. *Tvorchestvo i Sovremennost (Creativity and Modernity)*. 2019. No. 2 (10). Pp. 91–109.
3. Kapoguzov E.A., Ovodova S.N., Chupin R.I. Dominant concepts of urban improvement in a Siberian city: sociological research in Omsk. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2020. Vol. 5. No. 2 (16). P. 165–175.
4. Kolpakova M.R. Contemporary problems of development of the historical city of Siberia. *Regionalnye Arkhitekturno-Khudozhestvennye Shkoly (Regional Architectural and Art Schools)*. 2012. No. 3. P. 15–19.
5. Kolpakova M.R., Tumanik G.N. Current tasks of architectural and spatial development of the historical center of Novosibirsk. *Gradostroitelstvo (Urban Planning)*. 2012. No. 3 (19). P. 61–65.
6. Medvedeva A.A. Issues of public space and park development in the largest cities of Siberia. *Aktualnye Voprosy Funktsionirovaniya Ekonomiki Altayskogo Kraia (Current Issues of the Economy of Altai Krai)*. 2020. No. 12. P. 46–55.
7. Tumanik G.N., Kolpakova M.R. Siberian (Novosibirsk) urban planning school and contemporary problems of urban environment formation. *Regionalnye Arkhitekturno-Khudozhestvennye Shkoly (Regional Architectural and Art Schools)*. 2020. No. 1. P. 3–11.

Материал передан в редакцию 14.03.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1005>

Градостроительное развитие и особенности планировочной организации городов Куйбышева (Каинска) и Барабинска (Каинска-Томского) Новосибирской области в период с середины XVIII до начала XX вв

Анна Гребеник

Магистрант

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
anngrebenik@mail.ru, [ORCID](#)

Научный руководитель

Николай Журин

Профессор

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
nikolayzhurin@mail.ru

Аннотация

Данная работа посвящена выявлению и сравнительному анализу архитектурно-планировочных особенностей двух исторически и территориально связанных друг с другом городов Новосибирской области Куйбышева (Каинска) и Барабинска (Каинска-Томского), обусловленных влиянием различных исторических факторов, сформировавших их уникальный облик, а также оценке степени сохранности исторической застройки. Градостроительное развитие малых городов Западной Сибири, его связь с историко-культурными контекстами представляют важный источник для понимания локальных стратегий формирования городской среды. Актуальность исследования также определяется необходимостью сохранения региональной идентичности в условиях глобализации. Референсная база статьи включает архивные и картографические источники по городам, фотоматериалы и литературные источники по истории и архитектуре Новосибирской области. В качестве методов исследования использованы сравнительный и картографический анализ и историко-географический подход, что позволило глубже понять специфику градостроительного развития каждого из городов. Результаты анализа демонстрируют существенные различия в архитектуре и планировочной структуре Куйбышева и Барабинска, несмотря на во многом общие условия формирования городской среды.

Ключевые слова: Каинск, Каинск-Томский, Куйбышев, Барабинск, планировочная организация города, историко-градостроительное развитие малого города

Для цитирования: Гребеник А.А. Градостроительное развитие и особенности планировочной организации городов Куйбышева (Каинска) и Барабинска (Каинска-Томского) Новосибирской области в период с середины XVIII до начала XX вв // Творчество и современность. 2026. № 1. С. 32–38.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1005>

The Urban Development and Planning Characteristics of the Cities of Kuybyshev (Kainsk) and Barabinsk (Kainsk Tomsky) in Novosibirsk Region from the Mid-18th Century to the Early 20th Century

Anna Grebenik

Master Student

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

anngrebenik@mail.ru, [ORCID](#)

Science Advisor

Nikolay Zhurin

Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

nikolayzhurin@mail.ru

Abstract

This work is dedicated to the identification and comparative analysis of the architectural and planning features of two historically and territorially connected cities in the Novosibirsk region: Kuybyshev (Kainsk) and Barabinsk (Kainsk-Tomsky). These features have been shaped by various historical factors that have influenced their unique appearance, as well as an assessment of the degree of preservation of their historical buildings. The urban development of small towns in Western Siberia and its connection to historical and cultural contexts represent an important source for understanding local strategies for urban environment formation. The relevance of the study is also determined by the necessity to preserve regional identity in the context of globalization. The reference base of the article includes archival and cartographic sources related to the cities, photographic materials, and literary sources on the history and architecture of the Novosibirsk region. The research methods employed include comparative and cartographic analysis, as well as a historical-geographical approach, which allowed for a deeper understanding of the specifics of urban development in each city. The results of the analysis demonstrate significant differences in the architecture and planning structure of Kuybyshev and Barabinsk, despite the largely common conditions for the formation of their urban environments.

Keywords: Kainsk, Kuybyshev, Barabinsk, city planning organization, urban development of a small town

For citation: Grebenik A. (2026) The Urban Development and Planning Characteristics of the Cities of Kuybyshev (Kainsk) and Barabinsk (Kainsk Tomsky) in Novosibirsk Region from the Mid-18th Century to the Early 20th Century. *Creativity and modernity*. 31 (1). 32–38.

Введение

Русское освоение территорий Западной Сибири характеризуется образованием цепи быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, укрепленные деревни и заимки), которые выдвигались в пограничные земли и находились в отдалении от основных административно-хозяйственных центров. Одним из таких объектов был Каинский форпост, основанный в 1722 году и положивший начало городу Каинску (современный город Куйбышев Новосибирской области), который стал важным транзитным пунктом Московско-Сибирского тракта и торгово-ремесленным центром, что оказало существенное влияние на его градостроительное развитие и формирование уникального архитектурного облика.

Со строительством Транссибирской магистрали значение Каинска как транспортного узла постепенно стало падать, поскольку строить железнодорожную станцию «Каинск», также называвшуюся «Каинск-Томский», решено было в 13 километрах южнее. Так возник быстро растущий станционный поселок Каинск-Томский, в 1917 году переименованный в Барабинск и получивший статус безуездного города.

Методы и материалы

В рамках данного исследования использован комплексный подход, объединяющий разнообразные методы и материалы. Основой анализа послужили картографические источники, фотографические материалы и архивные сведения. Также было уделено внимание литературным источникам, ранним исследованиям по истории, архитектуре и культурному наследию региона, статистическим данным о населении и экономике городов.

Ключевым методом исследования стал сравнительный анализ, который позволил выявить изменения в застройке города, схожести и различия в формировании облика Каинска и Каинска-Томского, особенности их планировочной структуры. Наряду с ним использованы: историко-географический анализ для выявления взаимосвязи между историческими событиями, социально-экономическими процессами и градостроительным развитием обоих городов; картографический анализ для визуализации изменений в градостроительной структуре и пространственной организации городов в рассматриваемый период; анализ и синтез архивных материалов.

Комплексное применение вышеуказанных методов и материалов позволило всесторонне рассмотреть

градостроительное развитие двух городов, выявить основные закономерности и факторы, повлиявшие на формирование уникального архитектурного облика Каинска и Каинска-Томского в обозначенный период.

Полученные результаты и их обсуждение

История Куйбышева началась с планов сооружения в начале XVIII века по р. Иртыш Сибирской линии крепостей для защиты местного населения и обозов, следовавших по Московскому тракту, от набегов степняков Западной Сибири. В 1722 году в устье р. Каинки при впадении в р. Омь казаками был поставлен Каинский пас (с 30-х гг. XVIII в. именуемый форпост). К 1733 году Каинский форпост стал важнейшим транзитным пунктом Московско-Сибирского тракта на пути из Омска в Томск.

В 1750 году гарнизон форпоста был ликвидирован за отсутствием важного военного значения, и, с постройкой первой церкви во имя Спасителя Нерукотворного Образа, здесь возникла земледельческой слобода Каинск (рисунок 1), которая была перенесена на место нынешнего города в 1772 г., а в 1782 г. получила статус уездного города.

Рисунок 1. Каинское поселение, 1756 г. Архитектор К. Турский. Источник: <http://www.nasledie-nso.ru/node/261>.

Figure 1. Kainsk, 1756. Architect K. Tursky

К концу XVIII в. в городе было 106 жилых домов, преимущественно одноэтажных, часто с крышами из бересты и дерна, некоторые даже без кровли, покрытые травой; 7 лавок и амбаров; трехкратно перестроенная деревянная церковь во имя Нерукотворенного Спасителя. Население города составляло 658 чел. (мужского населения). Планировка города имела

типичную для большинства сибирских русских городов первооснову (главная улица (отрезок тракта), церковь, несколько десятков одноэтажных деревянных домов), однако формировалась она под влиянием ландшафта Барабинской низменности и изгибов р. Оми, определяя удобные маршруты к реке, пастбищам, торговым местам и проселочным дорогам.

В 1834 году томским архитектором К. Турским был составлен план города Каинска (рисунок 2). Две параллельные основные улицы — Московская (отрезок Московского тракта, в н.в. ул. Краскома) и Иркутская (ул. Коммунистическая), а также пересекающие их поперечные улицы Базарная (совр. ул. Куйбышева), Думская (ул. Папшева), Садовая (ул. Ленина) положили основу регулярной планировочной структуре города. У реки Оми расположена торговая площадь — Базарная, с севера она ограничена ул. Московской, с востока — ул. Базарной. По диагонали с ней расположилась площадь с достроенной к 1828 году каменной двухпрестольной церковью Успения Божьей Матери, ставшей важной высотной доминантой в спокойном силуэте развивающегося купеческого города (рисунок 3). Вскоре она получила статус собора (Успенский (Спасский) собор), а площадь стала называться Соборной. К 1842 г. в городе было восемь улиц, 630 домов, где проживало 2724 человека. В городе действуют восемь заводов: два кожевенных, мыловаренный, свечно-сальный, салотопный и три кирпичных [Лечунова 2019].

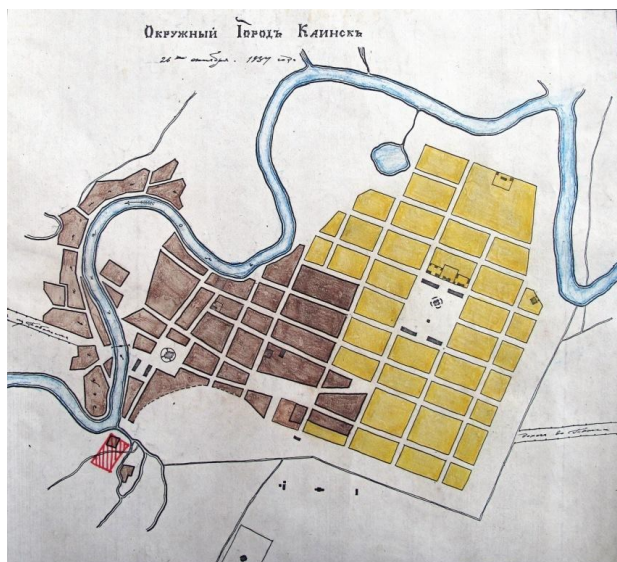

Рисунок 2. План окружного города Каинска от 26 октября 1834 г. Архитектор К. Турский. Источник: <http://www.nasledie-nso.ru/node/261>.

Figure 2. Plan of the district town of Kainsk dated October 26, 1834. Architect K. Tursky

Рисунок 3. Спасский собор. Источник: <http://www.nasledie-nso.ru/node/261>

Figure 3. Spassky Cathedral

В 1866 была выполнена корректировка плана города тем же архитектором К. Турским (рисунок 3). Анализ генеральных планов 1834 и 1866 годов выявляет значительные изменения в структуре города Куйбышева. Соборная площадь потеряла свою правильную квадратную форму в связи с тем, что к ней с северной части примкнул квартал в границах улиц Базарной (отрезок ул. Куйбышева), Думской (ул. Папшева), Иркутской (ул. Коммунистическая) и современной ул. Халтурина. Появление торговых рядов привело к разделению Соборной и Базарной площадей, превратив их в два самостоятельных градоформирующих объекта.

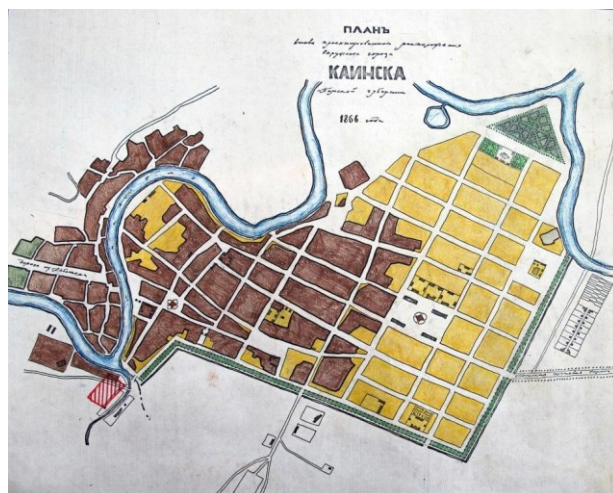

Рисунок 4. План окружного города Каинска Томской губернии, 1866 г. Источник: <http://www.nasledie-nso.ru/node/261>

Figure 4. Figure 4. Plan of the district town of Kainsk, Tomsk province, 1866

В 1870-е годы развитие города шло преимущественно в восточном направлении параллельно с направлением тракта, захватывая при этом северо-восточную часть. Одновременно шла застройка прибрежных территорий реки Омь, ранее использовавшихся для водопоя (рисунок 5). Завершилось формирование кварталов на южной стороне города, освободившейся от болот, завершая планировочную композицию центральной части. Хотя деревня Мошнино на правом берегу реки все еще была самостоятельным поселением, её постепенное слияние с Каинском уже просматривалось.

Рисунок 5. Вид Каинска с реки со стороны деревни Мошнино. Источник: <http://www.nasledie-nso.ru/node/261>

Figure 5. View of Kainsk from the river towards the village of Moshnino

На формирование архитектурного облика центральной части Каинска значительное влияние оказали Земская и Городская реформы 1864-го и 1870-го годов соответственно. Теперь на фоне одноэтажной деревянной постройки стали выделяться каменные купеческие дома, отличавшиеся декоративным убранством. Экстерьер новых построек регулировался нормативными документами, например строительным уставом 1911 года, в котором был обозначен регламент градостроительной деятельности [Павлова, Гайер 2015].

В конце XIX — начале XX веков экономическое положение Каинска претерпело негативные изменения, обусловленные прокладкой Транссибирской магистрали в 12 километрах южнее Московско-Сибирского тракта в связи неблагоприятными геологическими и гидрологическими условиями в районе Каинска. Как показывают исторические данные, в ходе изыскательских работ 1891 года были выявлены риски, связанные с заболоченностью поймы реки Оми и ее притока Каинки, а также с наводнениями, что и обусловило перенос трассы магистрали южнее города [там же]. Это привело к снижению транзит-

ной значимости Каинска. Тем не менее, ресурсы самого города стали играть ключевую роль в его развитии. Каинск стал одним из шести ключевых центров маслодельной промышленности Томской губернии.

В 1896 году была открыта железнодорожная станция «Каинск-Томский». В течение 1895–1896 гг. строятся платформы: пассажирская и товарная, паровозное депо [Лечунова 2019]. При станции возник поселок служащих при железной дороге, который начал быстро расти, и к 1911 году его население составляло уже 4000 человек. В связи с этим был разработан проект по превращению его в город Алексеевск. Однако статус безуездного города поселок получил лишь в 1917 году и был переименован в Барабинск.

Рисунок 6. Фрагмент отчетной карты гидротехнических работ в Барабинской степи Томской губернии, 1904 г. Источник: http://www.etomesto.ru/map-novosibirsk_barabinskaya-step-1904/?y=55.388072&x=78.409767

Figure 6. Fragment of the report map on hydraulic engineering works in the Barabinsk Steppe, Tomsk Province, 1904

В 1916 году был выполнен первый план Барабинска. Сформировавшаяся планировочная организация характеризовалась линейно-расчлененным типом и имела сложную, вытянутую форму, обусловленную неблагоприятными гидрологическими условиями и особенностями природного ландшафта, и разделенную с запада на восток полотном железной дороги на две неравные части. Композиционной осью градостроительного плана Барабинска является железнодорожная магистраль, проходящая вдоль всей территории города, предопределившая комбинированную схему организации уличной сети, сочетающую элементы регулярной и свободной планировки [Лечунова 2019].

Анализ плана демонстрирует разделение территории Барабинска на отдельные планировочные зоны, обозначенные как «отруба», что свидетельствует о

стремлении к функциональному зонированию территории. При этом, четко прослеживаются три основных отруба, отличающиеся по конфигурации и плотности застройки. Железнодорожная магистраль выступает не только в качестве композиционной оси, но и как физический барьер, разделяющий город на две относительно автономные части, что создает определенные трудности для организации транс-

портных связей и формирования единого городского пространства. Вдоль железной дороги расположены железнодорожные объекты и сооружения, а рядом с вокзалом формируется привокзальная площадь. Характерной особенностью планировки также является преобладание прямоугольных кварталов, что свидетельствует о стремлении к стандартизации планировки.

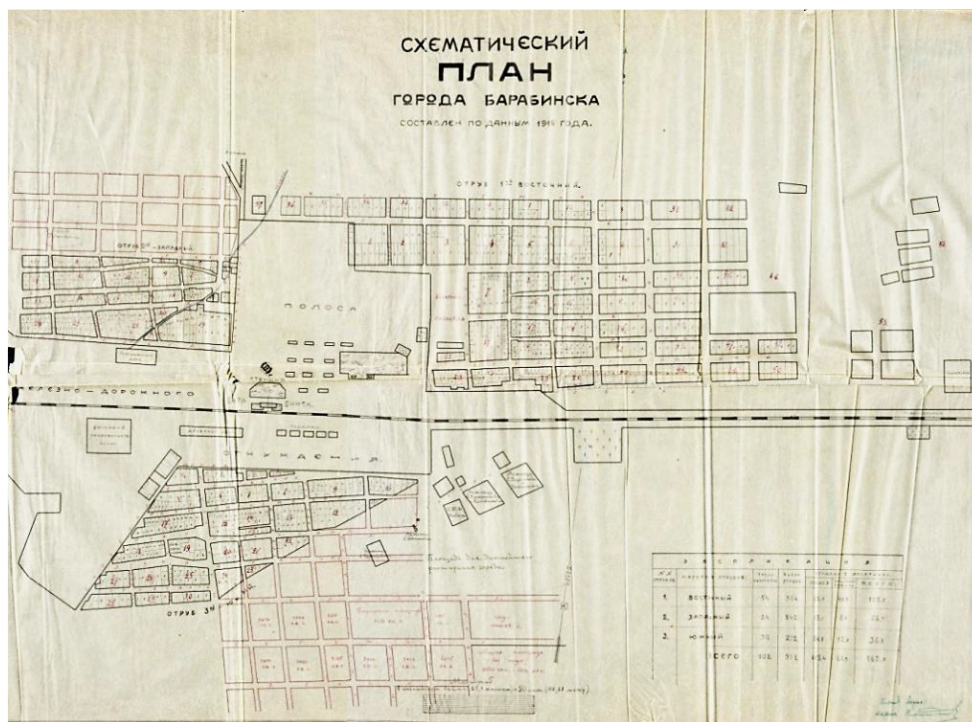

Рисунок 7. Рисунок 7. Схематический план г. Барабинска 1916 г., составлен по данным 1915 г. (ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–4)

Figure 7. Figure 7. Schematic plan of the city of Barabinsk in 1916, compiled based on data from 1915. (GANO)

Перепланировка города и последовавшие за ней административные решения привели к тому, что значение Барабинска стало расти. В 1925 году Барабинск был назначен окружным центром, что повлекло за собой перенос административных структур из Куйбышева. Этот шаг спровоцировал резкий рост населения: за три года, с 1927 по 1930, число жителей увеличилось с 9 757 до 15 081 человека. В 1930 году Барабинск стал районным центром [Лечунова 2019].

Выводы

Анализ историко-градостроительного развития и планировочной структуры Каинска и Каинска-Томского позволяет сделать вывод о ключевой роли транспортной инфраструктуры, административных решений, географических условий и внутренних ресурсов в их формировании и развитии.

Появление Каинска было связано с государственной политикой освоения Сибири, а его транзитное поло-

жение способствовало его становлению, однако со временем потенциальные возможности самого Каинска и его ресурсы стали играть ключевую роль в росте города. К началу XX в. в основном сложился характерный архитектурный облик центральной части города Каинска, состоявший из одноэтажной деревянной застройки, купеческих жилых и доходных домов, церквей. Прокладка Транссибирской железнодорожной магистрали в 13 километрах южнее Каинска привела к снижению его значения и замедлению развития. Однако, вероятно, данное обстоятельство способствовало сохранению исторической архитектурно-градостроительной среды. Для Каинска-Томского же, напротив, Транссибирская магистраль стала точкой отсчёта и основой для стремительного роста, трансформировав скромный станционный посёлок в крупный транспортный узел и динамично развивающееся городское поселение.

Таким образом, для обоих городов, на различных этапах их существования, определяющее влияние оказывали магистральные транспортные коммуникации: Московско-Сибирский тракт для Каинска и Транссибирская магистраль для Каинска-Томского. Дифференциация траекторий развития подчеркивает необходимость адаптации городских территорий к меняющимся экономическим и транспортным условиям. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение взаимодействия Куйбышева и Барабинска в рамках формирования единого экономического и культурного пространства региона. Полученные результаты могут быть полезны для разработки стратегий устойчивого развития городов и сохранения исторического наследия.

Список литературы

1. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Книга 2. Районы и города Новосибирской области / отв. ред. А.В. Кошелев. 2-е изд. Новосибирск: 2012. 332 с.
2. Павлова Н.И., Гайер И.Н. Особенности застройки города Куйбышева (Каинска) Новосибирской области в период 1722–1917 гг. // Баландинские чтения. 2015. С. 256–260.
3. Лечунова О.А. Становление и градостроительное развитие малых городов Западной Сибири (на примере Новосибирской области) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. №5. С. 85–98.

Список источников

4. Куйбышев (Каинск): исторический очерк // Культурное наследие Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledienso.ru/node/261> (дата обращения: 04.09.2025).
5. Город Барабинск // Библиотека сибирского краеведения [Электронный ресурс]. URL: <https://bsk.nios.ru/content/gorod-barabinsk> (дата обращения: 04.09.2025).
6. Барабинск // Wikivoyage [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikivoyage.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA> (дата обращения: 04.09.2025).

References

1. Monuments of History, Architecture, and Monumental Art of the Novosibirsk Region. Book 2. Districts and Cities of the Novosibirsk Region. 2nd ed. Novosibirsk, 2012. 332 p.
2. Pavlova N.I., Gayer I.N. Features of the Urban Development of the City of Kuibyshev (Kainsk), Novosibirsk Region, in the Period 1722–1917. *Balandin Readings*, 2015, pp. 256–260.
3. Lechunova O.A. Formation and Urban Development of Small Towns in Western Siberia (Case Study: Novosibirsk Region). *Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Building*, 2019, No. 5, pp 85–98.

Материал передан в редакцию 04.11.2025.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1006>

Малые архитектурные формы и павильоны как элементы климатической и социальной адаптации парковых пространств Севера

Злата Смирнова

Магистрант

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

zlata.ano1@gmail.com, [ORCID](#)

Аннотация

Актуальность статьи связана с тем, что в условиях Севера парковые пространства испытывают постоянное воздействие низких температур, сильного ветра, снегопереноса и светового дефицита, поэтому обычные приемы благоустройства оказываются недостаточными. На этом фоне малые архитектурные формы и павильоны начинают выполнять не только утилитарную, но и средообразующую функцию. Цель статьи состоит в определении их роли как элементов климатической и социальной адаптации парковых пространств Севера. Материалом стали отечественные и зарубежные публикации по архитектурной среде Севера, адаптации архитектурных систем к экстремальным условиям, организации общественных пространств холодного климата и ветрозащитным мероприятиям. В работе использованы сравнительный, типологический и средовой методы, позволившие рассмотреть форму объектов, степень их открытости, наличие буферных пространств, ветрозащиты, освещения и связь с маршрутами и сценариями пребывания человека в парке. В результате установлено, что малые архитектурные формы и павильоны обеспечивают локальную защиту от ветра и осадков, формируют промежуточные зоны между открытым пространством и местом краткого пребывания, поддерживают сценарии ожидания, отдыха и встречи. Наиболее устойчивыми оказываются компактные и обтекаемые формы, полужакрытые структуры, локальные ветрозащитные элементы, продуманное освещение и включение объектов в систему маршрутов и точек притяжения. Выводы статьи показывают, что малые архитектурные формы и павильоны выступают одним из ключевых инструментов формирования устойчивой парковой среды на Севере, поскольку одновременно работают на климатическую защиту, пространственную читаемость и поддержание общественной активности в холодный сезон.

Ключевые слова: малые архитектурные формы, павильоны, парковые пространства Севера, северный климат, климатическая адаптация, социальная адаптация, общественные пространства холодного климата, архитектурная среда Севера, микропространства комфорта, ветрозащита

Для цитирования: Смирнова З.А. Малые архитектурные формы и павильоны как элементы климатической и социальной адаптации парковых пространств Севера // Творчество и современность. 2026. № 1. С. 39–48.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1006>

Small Architectural Forms and Pavilions as Elements of Climatic and Social Adaptation of Northern Park Spaces

Zlata Smirnova

Master Student

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

zlata.ano1@gmail.com, [ORCID](#)

Abstract

The relevance of the article lies in the fact that, in northern conditions, park spaces are constantly exposed to low temperatures, strong winds, drifting snow, and a lack of daylight, which makes conventional landscaping approaches insufficient. Against this background, small architectural forms and pavilions begin to perform not only a utilitarian but also an environment-forming function. The purpose of the article is to determine their role as elements of climatic and social adaptation in northern park spaces. The materials used include Russian and international publications on the architectural environment of the North, the adaptation of architectural systems to extreme conditions, the organization of public spaces in cold climates, and wind protection measures. The study employs comparative, typological, and environmental methods, which made it possible to examine the form of these objects, their degree of openness, the presence of buffer spaces, wind protection, lighting, and their relationship to routes and patterns of human use within the park. The results show that small architectural forms and pavilions provide local protection from wind and precipitation, create intermediate zones between open space and places of short-term stay, and support scenarios of waiting, rest, and meeting. The most effective solutions are compact and streamlined forms, semi-enclosed structures, local wind-protective elements, well-designed lighting, and the integration of such objects into a system of routes and attraction points. The conclusions of the article show that small architectural forms and pavilions act as one of the key tools for shaping a resilient park environment in the North, since they simultaneously contribute to climatic protection, spatial legibility, and the maintenance of public activity during the cold season.

Keywords: small architectural forms, pavilions, northern park spaces, northern climate, climatic adaptation, social adaptation, public spaces in cold climates, northern architectural environment, micro-spaces of comfort, wind protection

For citation: Smirnova Z. (2026) Small Architectural Forms and Pavilions as Elements of Climatic and Social Adaptation of Northern Park Spaces. *Creativity and modernity*. 31 (1). 39–48.

Введение

Парковое пространство в северном городе не может проектироваться по тем же правилам, что и общественное пространство в умеренном климате. Для Арктики и Крайнего Севера определяющими становятся не только мороз, снег и ветер, но и более сложный комплекс факторов: полярная ночь, дефицит визуального разнообразия, длительное пребывание в закрытых помещениях, резкий перепад условий между интерьером и улицей, а также сокращение числа повседневных сценариев на открытом воздухе [Сарвут 2018, с. 130–131; Винницкий, Меренков 2024б, с. 154–155].

Из-за этого вопрос о малых архитектурных формах и павильонах в северном парке нельзя сводить к благоустройству в узком смысле. В этих условиях они начинают работать как элементы среды, через которые человек получает возможность находиться на открытом воздухе дольше, безопаснее и осмысленнее. М.В. Винницкий прямо связывает северную архитектурную среду с задачей защиты человека от агрессивных внешних воздействий и показывает, что такая защита должна обеспечиваться не отдельным зданием, а всей пространственной организацией среды [Винницкий 2023, с. 37–38].

Для темы данного исследования это особенно важно, поскольку парк в северном городе или поселении не может оставаться только открытой прогулочной территорией. Ему нужны промежуточные формы — укрытия от ветра, навесы, теплые павильоны, полузамкнутые зоны ожидания, короткие галереи, точки остановки и освещенные акценты маршрута. Именно такие элементы образуют между человеком и суровой внешней средой тот буфер, без которого сама идея круглогодичного паркового использования становится слишком условной [Винницкий 2023, с. 39–41; Винницкий, Меренков 2024а, с. 55–56].

При этом важно, что северная адаптация не сводится только к теплотехнике. С.А. Галеев показывает, что архитектурная система в экстремальной среде работает сразу на нескольких уровнях адаптации: функциональном, пространственном, временном, структурном, соматическом, эстетическом и семантическом. Это позволяет рассматривать малые архитектурные формы и павильоны не просто как защитные объекты, а как многослойные элементы среды. Один и тот же павильон может быть укрытием от ветра, местом краткого отдыха, ориентиром, световым акцентом, точкой общения и частью общего маршрута [Галеев 2020, с. 78–81].

Для северного парка особенно значима и социальная сторона вопроса. В работе Н.В. Данилиной, А.Е. Коробейниковой и А.Р. Хазбулатовой связность общественных пространств в арктическом городе рассматривается уже не только как вопрос комфорта, но и как вопрос безопасности. Авторы показывают, что в сложном климате культурно-общественный каркас города должен обеспечивать связь между природными, историческими и культурными объектами, а в рекомендациях прямо упоминают теплые остановки и отапливаемые МАФ как элементы такой системы [Данилина, Коробейникова, Хазбулатова 2023, с. 1515–1528]. Для паркового пространства этот вывод можно уточнить: МАФ и павильоны в северной среде нужны не только для того, чтобы человек «не замерз». Они поддерживают саму структуру пребывания: позволяют замедлиться, сменить темп движения, переждать порыв ветра, встретиться, посмотреть на ландшафт, воспользоваться светом и навигацией, сделать парк пригодным не только для транзита, но и для короткого, а иногда и длительного присутствия. В этом смысле они работают как локальные узлы культурно-общественного каркаса.

Существенна и морфология самой северной формы. В исследованиях М.В. Винницкого, А.В. Меренкова, а также Н.С. Калининой и Н.В. Морозова устойчиво повторяется мысль о ценности компактных, обтекаемых, аэродинамически выверенных форм, лучше работающих в условиях ветра, снегопереноса и теплопотерь [Винницкий, Меренков 2024а, с. 53–56; Калинина, Морозов 2019, с. 41–45]. Для малых форм это означает, что в северном парке особенно оправданы не случайные декоративные объекты, а формы, в которых выражены компактность, ветрозащита, тактильность материала и ясность силуэта.

Отдельного внимания требует ветер как главный фактор дискомфорта. А.Е. Коробейникова на материале моделирования микрорайона Скальный в Мурманске показывает, что локальные ветрозащитные меры действительно меняют аэрационный режим территории. В таблице классификации таких мер к числу наиболее эффективных отнесены ветрозащитные МАФ, экраны, стенки, козырьки, озеленение и геопластика. Особенно важно, что ветрозащитные МАФ рассматриваются как реальный инструмент снижения скорости потока, а не как вторичный элемент благоустройства [Коробейникова 2022, с. 75–77].

Вместе с тем современная северная среда требует не только защиты, но и более тонкого способа сосуществования с климатом. В.А. Савинова различает

отгороженный и инклюзивный методы организации архитектурной среды в Арктике. Первый строится на максимально полном нивелировании внешней среды, второй — на встраивании в нее и сосуществовании с ней. Для парковых пространств эта разница принципиальна. Полностью отгороженный парк на Севере невозможен, зато возможно создание системы малых объектов, которые смягчают климатическое воздействие, но не разрывают связь человека с ландшафтом, светом, снегом, ветром и сезонностью [Савинова 2022, с. 45–49].

Зарубежный опыт подтверждает такую постановку вопроса. Д.В. Бабарыкина, анализируя общественные пространства холодного климата, показывает, что в Канаде, Норвегии и Швеции круглогодичное использование открытой среды поддерживается за счет промежуточных защищенных пространств, световых сценариев, сезонных павильонов и малых объектов, которые становятся точками притяжения. Особенно показателен опыт временных теплых павильонов и зимних инсталляций, где небольшая форма одновременно решает задачи укрытия, отдыха, визуальной идентификации места и общественной активности [Бабарыкина 2024, с. 132–140].

В итоге, малые архитектурные формы и павильоны в северных парках следует рассматривать не как добавление к уже готовой среде, а как один из ее базовых инструментов. Через них решаются задачи климатической защиты, социальной связанности, световой ориентации, сценарного разнообразия и психологического комфорта. Именно на этом пересечении — между защитой, присутствием и общением — и находится предмет настоящего исследования.

Цель работы — выявить, каким образом малые архитектурные формы и павильоны могут рассматриваться как элементы климатической и социальной адаптации парковых пространств Севера.

Задачи статьи:

- определить, какие свойства северной среды делают МАФ и павильоны необходимыми элементами парка;
- рассмотреть, какие архитектурные приемы обеспечивают климатическую адаптацию таких объектов;
- показать, как через малые формы и павильоны в северном парке поддерживаются сценарии общения, краткого отдыха и культурно-общественной активности;
- сопоставить теоретические положения российских исследований с современными зарубежными примерами зимних и северных общественных пространств.

Методы и материалы

В рамках статьи малые архитектурные формы и павильоны рассматриваются не как второстепенное оснащение парка, а как элементы среды, через которые в северных условиях решаются сразу несколько задач. Речь идет о защите от ветра и осадков, сокращении времени прямого контакта с экстремальной погодой, поддержке зимних сценариев пребывания, а также о формировании точек притяжения внутри паркового маршрута. Такой подход связан с тем, что в Арктике и на Севере сама среда обитания складывается под влиянием природно-климатических, социальных и медико-психологических факторов, а потому не может быть сведена только к инженерной защите от холода.

Методологическая основа работы строится на сочетании трех линий анализа. Первая линия связана с общетеоретическим пониманием северной архитектурной среды. Здесь важны положения М.В. Винницкого, А.В. Меренкова, а также В.А. Савиновой, где северная среда описывается через категории буфера, компактности, теплового зонирования, аутентичности и инклюзивного взаимодействия человека с климатом [Винницкий 2023, с. 38–41; Винницкий, Меренков 2024а, с. 53–56; Савинова 2022, с. 45–49]. Эти работы позволяют задать исходный ракурс: парк в суровом климате нужно понимать не как полностью открытую площадку, а как систему чередующихся состояний среды, где открытые участки должны дополняться промежуточными и частично защищенными пространствами.

Вторая линия анализа связана с адаптационным подходом. В статье С.А. Галеева архитектурная система понимается как структура, отвечающая на динамику внешней среды, а сами адаптации рассматриваются как функциональные, пространственные, временные, структурные, соматические, эстетические и семантические [Галеев 2020, с. 77–81]. Для темы данного исследования это особенно важно, поскольку павильон или малая форма в северном парке работает сразу в нескольких регистрах: защищает тело от ветра и холода, организует остановку и движение, меняет восприятие маршрута, поддерживает сезонные сценарии и формирует образ места. За счет этого анализ МАФ и павильонов ведется не по одному признаку, а как анализ многослойного адаптивного элемента среды.

Третья линия опирается на изучение конкретных приемов климатической и социальной настройки среды. Для климатического аспекта особенно зна-

чимы работа А.Е. Коробейниковой о ветрозащитных мероприятиях и статья Н.С. Калининой, Н. В. Морозова о северных архитектурных и дизайнерских решениях. Они позволяют выделить практические параметры анализа. В их число входят форма объекта, работа с ветровым потоком, наличие экрана или стенки, устройство козырька, материал оболочки, буферность входа, световой сценарий, тактильность и цвет [Калинина, Морозов 2019, с. 41–45; Коробейникова 2022,

с. 75–77]. Для социальной стороны принципиальна работа Н.В. Данилиной, А.Е. Коробейниковой, А.Р. Хазбулатовой, где общественные пространства арктического города рассматриваются как связанная система, а теплые остановки и отапливаемые МАФ фактически включаются в логику культурно-общественного каркаса [Данилина, Коробейникова, Хазбулатова 2023, с. 1518–1528].

Материалом для сопоставления служат, с одной стороны, российские исследования по организации северной среды, а с другой — зарубежные примеры общественных пространств холодного климата. В этом смысле работа Д.В. Бабарыкиной важна как источник по уже реализованным сценариям зимнего использования городской среды, где небольшие павильоны, навесы, световые объекты и защищенные зоны становятся не дополнением, а опорой круглогодичной активности [Бабарыкина 2024, с. 132–140]. В качестве актуальных примеров дополнительно учитываются публикации о проектах Winter Stations и о климатически ориентированных решениях BIOSIS. Они нужны не как самостоятельная теоретическая база, а как современные иллюстрации того, как малая форма в холодном климате может одновременно быть укрытием, визуальным акцентом и общественным событием [Building Resilient Architecture for Extreme Cold 2024; The 10th Edition of Toronto's Winter Stations Reveals Images of the Winning Projects 2024; Winter Stations 2025 reveals winning designs 2024].

В результате в статье используются сравнительный, типологический и средовой методы. Сравнительный метод нужен для сопоставления российских и зарубежных подходов. Типологический - для выделения групп малых форм и павильонов по степени открытости, характеру защиты и сценарию использования. Средовой метод позволяет связать объект с маршрутом, рельефом, ветром, освещением и характером пребывания человека. Именно такая связка дает возможность дальше перейти от общих положений к обсуждению того, какие формы, материалы и пространственные решения действительно

работают в парковых пространствах Севера и почему их нужно рассматривать одновременно как элементы климатической и социальной адаптации.

Результаты и обсуждение

Климатическая адаптация северного парка начинается не с крупного здания, а с масштаба человека. Именно здесь особенно важны малые формы и павильоны, которые принимают на себя первый контакт с ветром, снегом, холодом и дефицитом света. В северной среде архитектура должна не только оформлять маршрут, но и создавать условия, при которых само пребывание на открытом воздухе остается возможным дольше обычного.

В исследованиях по северной архитектурной среде устойчиво повторяются несколько требований к таким объектам. Первое связано с формой. М.В. Винницкий, А.В. Меренков, Н.С. Калинина и Н.В. Морозов сходятся в том, что в условиях сильного ветра и низких температур лучше работают компактные и обтекаемые объемы, которые дают меньше теплопотерь и устойчивее ведут себя в неблагоприятной погоде. Для паркового павильона это означает отказ от случайной пластики и декоративной усложненности. Чем чище силуэт и понятнее оболочка, тем выше шанс получить не просто выразительный объект, а реально работающую форму. Второе требование связано с буферностью. В северной среде особенно важны промежуточные пространства, где человек не выходит сразу в открытый ветер. А.В. Меренков и М.В. Винницкий связывают это с принципом буфера, а Н.С. Калинина и Н.В. Морозов показывают, что даже на уровне входной группы северная архитектура тяготеет к тамбурам, тепловым завесам и переходным зонам [Винницкий 2023, с. 38–40; Винницкий, Меренков 2024а, с. 54–56; Калинина, Морозов 2019, с. 41–45]. В парке, например, такая логика может выражаться не только в теплом закрытом павильоне, но и в полузамкнутом навесе, глубоком козырьке, экране от ветра, защищенной скамье или короткой галерее.

Отдельно стоит вопрос ветровой защиты. Работа А.Е. Коробейниковой ценна тем, что дает не общее рассуждение, а предметную классификацию мер. Для северной среды к числу рабочих решений отнесены ветрозащитные МАФы, экраны, козырьки, стенки, озеленение и геопластика. Их эффективность различается, но сам факт влияния на аэрационный режим подтвержден расчетно [Коробейникова 2022, с. 75–77]. Для паркового пространства это особенно важно: малые

формы в таком случае выступают не как мебель, а как локальные регуляторы микроклимата.

Как видно из таблицы 1, климатическая адаптация МАФ и павильонов в северном парке строится не на одном приеме, а на сочетании нескольких решений,

которые одновременно меняют и сам объект, и характер окружающего пространства (таблица 1). Поэтому для анализа важно сопоставлять не только прием и его функцию, но и тот пространственный эффект, который он дает внутри маршрута, площадки или зоны краткого пребывания.

Таблица 1. Приемы климатической адаптации МАФ и павильонов в парковых пространствах Севера
Table 1. Climate adaptation techniques for small architectural forms and pavilions in northern park spaces

Прием	Что дает объекту	Пространственный эффект в парке
Компактная обтекаемая форма	снижает ветровую нагрузку и теплопотери	формирует устойчивую точку остановки, которая меньше зависит от погодных колебаний
Буферное полузакрытое пространство	смягчает переход между улицей и защищенной зоной	создает промежуточный слой между открытым маршрутом и местом краткого пребывания
Козырек, экран, стенка	ослабляет прямой поток ветра и защищает от осадков	делает возможными ожидание, короткий отдых и наблюдение без полного ухода в интерьер
Световой сценарий и ориентация	повышают читаемость объекта и психологический комфорт	собирают маршрут, усиливают вечернее и зимнее использование пространства
Морозостойкая многослойная оболочка	уменьшает теплопотери и повышает срок службы	позволяет закрепить в парке постоянную круглогодичную точку комфорта
Озеленение и геопластика рядом с МАФ	дополняют ветрозащиту и смягчают микросреду	связывают объект с рельефом и формируют более защищенное микропространство

Таблица 1 показывает, что наиболее убедительной оказывается комбинация формы, оболочки, ветрозащиты и света. Если убрать хотя бы один из этих элементов, объект чаще всего остается либо формально выразительным, либо чисто техническим, но не становится полноценным местом пребывания. Особенно важно, что в одной системе здесь оказываются и конструктивные, и пространственные, и визуальные средства. Это подтверждает мысль

С.А. Галеева о комплексном характере адаптации в экстремальной среде [Галеев 2020, с. 80–81].

Хорошо это видно и на зарубежных примерах: Д.В. Бабарыкина показывает, что в холодном климате общественные пространства поддерживаются не только капитальными зданиями, но и сезонными павильонами, навесами и малыми объектами, которые дают свет, укрытие и сценарий остановки [Бабарыкина 2024, с. 134–140]. В этом смысле северный парк начинает работать как сеть микросред, а не как единое открытое поле. Для архитектурно-дизайнерского подхода такой вывод принципиален, потому что переводит разговор о климате на уровень формы, тактильности, масштаба и повседневного поведения человека в пространстве.

Климатическая адаптация МАФ и павильонов в северном парке может быть понята как создание локальных островков устойчивости внутри суровой открытой среды. Чем точнее они отвечают на ветер, свет, снег и характер движения человека, тем меньше парк зависит от короткого теплого сезона и тем увереннее начинает работать зимой.

Если климатическая адаптация северного парка отвечает на вопрос, как защитить человека от ветра, холода и осадков, то *социальная адаптация* связана уже с другим уровнем — как сделать так, чтобы человек захотел и смог оставаться в этом пространстве, пользоваться им не только транзитно, но и как местом краткого отдыха, встречи, ожидания и повседневного присутствия. В условиях Севера это особенно важно, поскольку длительная зима, полярная ночь, ограниченность сезонных сценариев и вынужденное преобладание закрытых интерьеров сокращают число форм открытой городской жизни.

В этом смысле северный парк не может оставаться просто прогулочной территорией. Он должен работать как система микропространств комфорта, то есть небольших, но устойчивых средовых узлов, в которых человек получает хотя бы минимальный запас защищенности, света, ориентации и социального

присутствия. Такой масштаб особенно близок теме малых архитектурных форм и павильонов, потому что именно они позволяют организовать не монументальную, а повседневную адаптацию среды.

Для понимания этой роли особенно важна статья Н.В. Данилиной, А.Е. Коробейниковой и А.Р. Хазбулатовой. Авторы рассматривают арктический город через культурно-общественный каркас и показывают, что связность объектов притяжения в сложном климате — это не только вопрос удобства, но и условие безопасности [Данилина, Коробейникова, Хазбулатова 2023, с. 1515–1516]. Применительно к паркам: если общественное пространство не имеет промежуточных точек останова и защищенных узлов, оно выпадает из повседневного использования в холодный сезон и перестает быть круглогодичным. Тогда даже благоустроенный маршрут начинает работать только как короткий проход, а не как среда городской жизни. Авторы выделяют три ключевых параметра культурно-общественного каркаса: связность, доступность и привлекательность. Эти категории напрямую подходят и для анализа северного парка. Связность означает, что точки притяжения не должны быть разорваны пустыми, незащищенными дистанциями. Доступность в условиях Арктики должна оцениваться не абстрактным радиусом, а временем безопасного пребывания на открытом воздухе. Привлекательность зависит не только от благоустройства, но и от того, насколько объект заметен, удобен, функционально насыщен и пригоден для разных групп пользователей. Именно здесь павильоны и МАФ оказываются особенно важны: они сокращают дистанцию между точками притяжения и делают маршрут дробным, читаемым и обжитым.

С социальной точки зрения особенно ценно, что малая форма в северной среде почти никогда не работает в одной роли. С.А. Галеев пишет о комплексном характере адаптации [Галеев 2020, с. 78–81]. Для северного парка это означает, что павильон может быть сразу укрытием, местом ожидания, ориентиром, световым акцентом и площадкой краткого общения. Такая многослойность и делает его социально значимым. Он не просто помогает переждать ветер, а собирает вокруг себя сценарий поведения.

Здесь особенно полезен зарубежный опыт, рассмотренный Д.В. Бабарыкиной. В статье показано, что в холодном климате общественная активность поддерживается в том числе за счет временных зимних объектов, небольших павильонов и световых инсталляций, которые становятся локальными центрами пребывания [Бабарыкина 2024, с. 134–140]. Особенно показательны примеры Warming Huts в Виннипеге, где временные теплые сооружения работают как

небольшие укрытия между зимними активностями, а также проекты, где световой сценарий делает пространство пригодным для вечернего и зимнего использования. Это показывает, что северный парк не обязательно должен насыщаться крупными капитальными объектами. Иногда именно небольшая форма лучше всего отвечает на повседневный сценарий — присесть, укрыться, согреться, задержаться, встретиться.

Работа В.А. Савиновой помогает уточнить этот вывод на более общем уровне. Автор различает отгороженный и инклюзивный методы организации арктической среды [Савинова 2022, с. 45–46]. Для социальной адаптации парка особенно продуктивен именно инклюзивный подход. Если отгороженный метод стремится полностью изъять человека из внешней среды, то инклюзивный предполагает сосуществование с ней, когда архитектура не отменяет северный ландшафт и климат, а делает контакт с ними переносимым и осмысленным. Для парка это означает, что павильон или малая форма должны не отрывать пользователя от места, а помогать ему в этом месте находиться. По сути, это и есть микропространство комфорта: небольшой участок среды, где человек не выпадает из парка, но получает возможность пользоваться им без постоянного климатического напряжения.

С этой точки зрения важна не только степень защиты, но и характер сценария. Микропространство комфорта в северном парке может работать как место краткого ожидания, точка останова на длинном маршруте, смотровая площадка, локальный общественный узел, световой ориентир в полярную ночь, небольшое место встречи или переход между открытым участком и более защищенной зоной. Логика таких сценариев хорошо совпадает с тем, что Н.В. Данилина, А.Е. Коробейникова и А.Р. Хазбулатова пишут о необходимости сети общественных пространств и прямо связывают с теплыми остановками и отапливаемыми МАФ [Данилина, Коробейникова, Хазбулатова 2023, с. 1527–1528]. Внутри парка это может означать распределенную систему небольших павильонов, а не один центральный объект. Тогда маршрут становится не монотонным, а ритмически организованным.

Как видно из Таблицы 2, социальная адаптация северного парка складывается из набора повторяющихся повседневных сценариев, и именно малые архитектурные формы делают эти сценарии устойчивыми в холодный сезон (таблица 2). Поэтому для анализа важно сопоставить тип элемента, характер его использования и тот социальный эффект, который он дает внутри пространства.

Таблица 2. Социальные функции МАФ и павильонов в парковых пространствах Севера
Table 2. Social functions of small architectural forms and pavilions in northern park spaces

Элемент	Основной сценарий использования	Социальный эффект
Полузакрытый павильон	краткий отдых, встреча, ожидание	поддерживает присутствие людей в парке в холодный сезон
Теплая остановочная форма	пауза на маршруте, ожидание транспорта или спутника	делает длинный маршрут психологически и физически переносимым
Навес с защитой от ветра	короткая остановка, наблюдение, укрытие	снижает транзитность пространства, дает повод задержаться
Световой объект с функцией укрытия	вечернее пребывание, ориентация, точка встречи	делает парк читаемым и безопасным в темное время
Игровая или рекреационная ветрозащитная МАФ	детская и семейная активность, зимний досуг	совмещает климатическую защиту и общественную активность
Серия малых укрытий вдоль маршрута	пошаговое движение с паузами	формирует сеть микропространств комфорта вместо единственной центральной точки

Таблица 2 также показывает, что социальная адаптация северного парка строится не столько на «большом событии», сколько на повторяющихся и понятных повседневных сценариях. Чем проще и естественнее включается малая форма в обычное поведение человека, тем выше ее реальная значимость для среды. Северный парк начинает работать не тогда, когда в нем можно провести редкий фестиваль, а тогда, когда в нем можно каждый день пройти, присесть, подождать, встретиться и не спешить уходить внутрь здания.

Это особенно хорошо подтверждается работой А.Е. Коробейниковой, где в проектном эксперименте для Мурманска ветрозащитные МАФ рассматриваются не просто как технические устройства, а в одном из случаев как игровые элементы рядом со школой [Коробейникова 2022, с. 76–77]. Эта важная деталь показывает, что даже в жестких климатических условиях малая форма может одновременно выполнять две роли: снижать аэрационный дискомфорт и поддерживать социальную активность. Для северного парка этот вывод принципиален, потому что в нем климатическая и социальная адаптация неразделимы. *Если объект защищает, но не дает сценария использования, он быстро становится пустым. Если дает сценарий, но не защищает, он работает только в короткий сезон.*

Не менее важен и вопрос визуальной выразительности. В работах Н.С. Калининой и Н.В. Морозова, а

также М.В. Винницкого и А.В. Меренкова подчеркивается роль цвета, света, простых форм и аутентичного контекста в северной среде [Калинина, Морозов 2019, с. 44–45; Винницкий, Меренков 2024а, с. 54–56]. Для паркового павильона это означает, что он должен быть не только защищенным, но и считываемым. В темное время года, при снегопаде или в открытом белом ландшафте именно небольшие, но ясно артикулированные объекты становятся теми точками, через которые человек ориентируется и ощущает пространство как обжитое. Социальная адаптация здесь прямо связана с визуальной. Человек охотнее идет туда, где среда обещает присутствие, ясность и поддержанный сценарий.

Выводы

Подводя итог, социальная адаптация северных парковых пространств строится через систему небольших, но устойчивых по функции и образу элементов. Малые архитектурные формы и павильоны в этом случае работают как узлы присутствия: они сокращают дистанцию между человеком и суровой средой, между человеком и другим человеком, между маршрутом и остановкой. Именно поэтому в северном парке они должны рассматриваться не как второстепенное оформление, а как один из основных носителей общественной жизни в зимний период.

Проведенный анализ показывает, что малые архитектурные формы и павильоны в северных парковых пространствах нельзя рассматривать как второстепенное благоустройство. В условиях Севера они становятся одним из базовых элементов среды, потому что именно на их уровне решается вопрос повседневного контакта человека с открытым пространством. Если крупное здание обеспечивает длительное пребывание в защищенной среде, то МАФ и павильоны обеспечивают короткое, но регулярное пребывание между открытым маршрутом и интерьером, между движением и остановкой, между транзитом и присутствием.

В ходе исследования подтвердилось, что климатическая адаптация северного парка строится через сочетание нескольких приемов. Наиболее значимыми среди них являются компактная и обтекаемая форма, буферные полузакрытые пространства, локальные ветрозащитные элементы, продуманный световой сценарий, морозостойкая оболочка и связь объекта с рельефом и озеленением [Винницкий, Меренков 2024а, с. 53–56; Калинина, Морозов 2019, с. 41–45; Коробейникова 2022, с. 75–77]. Иначе говоря, северный павильон должен быть не просто выразительным по силуэту, а климатически точным по своей работе в среде.

Не менее важен и социальный аспект. Анализ показал, что северное парковое пространство начинает полноценно работать только тогда, когда в нем появляется сеть микропространств комфорта. Именно через них обеспечиваются связность маршрута, возможность короткой остановки, ощущение безопасности, визуальная читаемость и поддержка повседневных сценариев общения [Данилина, Коробейникова, Хазбулатова 2023, с. 1518–1520, 1527–1528]. Это означает, что павильоны и малые формы в северном парке должны проектироваться как узлы присутствия, а не как одиночные объекты оформления.

Теоретический материал позволил уточнить и сам характер такой адаптации. С одной стороны, северная среда действительно требует защиты от холода, ветра, осадков и светового дефицита. С другой стороны, полное отгораживание человека от внешней среды не решает задачу общественного пространства. Поэтому для северного парка более продуктивным оказывается инклюзивный подход, при котором малая форма не изымает человека из ландшафта, а делает возможным его безопасное и осмысленное пребывание в нем. В этом смысле павильон выступает посредником между человеком и климатом, а не только защитной оболочкой.

Сравнение российских исследований и зарубежных примеров показало, что наиболее жизнеспособной является модель, в которой малая форма совмещает сразу несколько ролей: укрытие, ориентир, место ожидания, точку встречи, световой акцент и элемент идентичности пространства. Именно такая многослойность соответствует логике адаптации архитектурной системы в экстремальной среде, о которой пишет С.А. Галеев [Галеев 2020, с. 78–81]. Она же подтверждается международными примерами зимних павильонов и временных общественных объектов, где небольшая форма становится центром зимнего сценария и общественной активности [Бабарыкина 2024, с. 134–140].

Подводя итоги, было выявлено, что малые архитектурные формы и павильоны в северных парках следует рассматривать как элементы двойной адаптации — климатической и социальной. Их задача состоит не только в том, чтобы уменьшить физический дискомфорт, но и в том, чтобы поддержать саму возможность городской жизни на открытом воздухе в холодный сезон. Именно поэтому при проектировании северных парковых пространств они должны включаться в структуру маршрутов, точек притяжения и общественных связей на правах основных, а не вспомогательных элементов среды.

Список литературы

1. Бабарыкина Д.В. Международный опыт проектирования общественных пространств в условиях холодного климата // Архитектура и современные информационные технологии. 2024. № 2(67). С. 130–142.
2. Винницкий М.В. Подходы к организации архитектурно-градостроительной среды в суровых условиях северных регионов // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2023. № 3(58). С. 37–43.
3. Винницкий М.В., Меренков А.В. Актуализация принципов формирования архитектурной среды Крайнего Севера и Арктики // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2024а. № 3(62). С. 52–58.
4. Винницкий М., Меренков А. Архитектурная среда Севера: проблемы и перспективы // Проект Байкал. 2024б. Т. 21, № 82. С. 154–159.
5. Галеев С.А. Виды адаптации архитектурных систем к экстремальным условиям среды // Системные технологии. 2020. № 4(37). С. 77–83.

6. Данилина Н.В., Коробейникова А.Е., Хазбулатова А.Р. Методика построения культурно-общественного каркаса арктических городов на примере г. Салехарда // Вестник МГСУ. 2023. №10. С. 1515–1531.
7. Калинина Н.С., Морозов Н.В. Архитектурные, технические и дизайнерские особенности проектирования жилых и общественных зданий в условиях Крайнего Севера // Системные технологии. 2019. № 3(32). С. 40–46.
8. Коробейникова А.Е. Влияние ветрозащитных мероприятий на снижение аэрационной дискомфортности на примере микрорайона Скальный города Мурманск // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2022. № 3(39). С. 70–80.
9. Савинова В.А. Методы организации архитектурной среды в экстремальных условиях Арктики // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2022. № 1(52). С. 45–50.
10. Сарвут Т.О. Принципы формирования среды обитания в арктическом регионе // Вестник МГСУ. 2018. Т. 13, № 2(113). С. 130–140.

References

1. Babarykina D.V. International experience in designing public spaces in cold climates. *Architecture and modern information technologies*. 2024. No. 2 (67). Pp. 130–142.
2. Vinnitsky M.V. Approaches to organizing the architectural and urban planning environment in the harsh conditions of the northern regions. *Academic*

Bulletin of the UralNIIproekt RAASN. 2023. No. 3 (58). Pp. 37–43.

3. Vinnitsky M.V., Merenkov A.V. Updating the principles of forming the architectural environment of the Far North and the Arctic. *Academic Bulletin of the UralNIIproekt RAASN*. 2024a. No. 3 (62). Pp. 52–58.
4. Vinnitsky M., Merenkov A. Architectural Environment of the North: Problems and Prospects. *Project Baikal*. 2024b. Vol. 21, No. 82. Pp. 154–159.
5. Galeev S.A. Types of Adaptation of Architectural Systems to Extreme Environmental Conditions. *System Technologies*. 2020. No. 4(37). Pp. 77–83.
6. Danilina N.V., Korobaynikova A.E., Khazbulatova A.R. Methodology for Constructing a Cultural and Social Framework for Arctic Cities Using Salekhard as an Example. *Bulletin of MGSU*. 2023. No. 10. Pp. 1515–1531.
7. Kalinina N.S., Morozov N.V. Architectural, technical and design features of designing residential and public buildings in the Far North. *System technologies*. 2019. No. 3 (32). Pp. 40–46.
8. Korobaynikova A.E. The influence of wind protection measures on reducing aeration discomfort using the example of the Skalny microdistrict of Murmansk. *Biosphere compatibility: man, region, technology*. 2022. No. 3 (39). Pp. 70–80.
9. Savinova V.A. Methods of organizing the architectural environment in extreme Arctic conditions. *Academic Bulletin of the UralNIIproekt RAASN*. 2022. No. 1 (52). Pp. 45–50.
10. Sarvut T.O. Principles of habitat formation in the Arctic region. *Bulletin of MGSU*. 2018. Vol. 13, No. 2(113). P. 130–140.

Материал передан в редакцию 30.03.2026.

Дизайн | Design

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1007>

Китайское лаковое искусство. История и тенденции развития в дизайне

Лин Чжан

Магистрант

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
249595092@qq.com

Марика Таубе

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
m.taube@nsuada.ru, [ORCID](#)

Аннотация

Глокализация объектов дизайна связана в том числе с использованием традиционного декоративно-прикладного искусства. Как уникальное традиционное ремесло, китайское лаковое искусство имеет более, чем 8000 лет истории. Его развитие отражает не только наследование, но и инновации, а также социальные и культурные изменения. Его древнее происхождение, процветание, его пика в династии Мин и Цин создали огромный фундамент культурного наследия, а его упадок — лишь один из этапов развития, так как лаковое искусство возрождается в современной цифровой эпохе. Изделия лакового искусства служат как образцами современного ремесла, так и дизайна, создавая новый материальный контекст не только Китая.

Ключевые слова: лаковое искусство, Китай, традиционные ремесла, дизайн, культурное наследие, материальная культура, глокализация

Для цитирования: Чжан Л., Таубе М.В. Китайское лаковое искусство. История и тенденции развития в дизайне // Творчество и современность. 2026. № 1. С. 49–55.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-1-1007>

Chinese Lacquer Art. History and Design Trends

Lin Zhang

Master Student

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

249595092@qq.com

Marika Taube

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

m.taube@nsuada.ru, [ORCID](#)

Abstract

Glocalization of design objects is associated, among other things, with the use of traditional decorative and applied art. As a unique traditional craft, Chinese lacquer art has more than 8000 years of history. Its development reflects not only inheritance, but also innovation, as well as social and cultural changes. Its ancient origins, prosperity, and peak in the Ming and Qing dynasties have created a huge foundation of cultural heritage, and its decline is just one of the stages of development as lacquer art is reborn in the modern digital age. Lacquer art products serve as examples of modern craft and design, creating a new material context not only in China.

Keywords: lacquer art, China, traditional crafts, design, cultural heritage, material culture, glocalization

For citation: Zhang L., Taube M. (2026) Chinese Lacquer Art. History and Design Trends. *Creativity and modernity*. 31 (1). 49–55.

Китай является пионером в использовании лака и родиной лакового искусства. Это первая страна в мире, где сформировалась цивилизация, включающая лаковые элементы материальной культуры. Китайская лаковая цивилизация представляет собой долгую историю, развивающуюся на протяжении 8 000 лет [大漆艺术的历史渊源与发展]. Лаковая посуда появилась еще до неолита, а искусство лаковой посуды времен династии Хань и династии Мин - две самые яркие жемчужины за долгие годы существования китайской лаковой цивилизации. Усердные руки, мудрость и мастерство ремесленников создали долговечные образцы лакового искусства, которые питают как современную китайскую, так и мировую материальную культуру.

Лак, получаемый из волшебного лакового дерева Китая, имеет богатый контекст, глубокое наследие,

влияющее на самосознание народа. Поэтому китайцы с гордостью называют его «Великим лаком».

Красота лака объясняется его уникальными химическими свойствами, которые заложили эстетическую основу для изделий с его использованием. Судя по остаткам лака, найденным в Хемуду и на мосту через Крестовое озеро, в Китае начали расписывать предметы лаком уже около 8 000 лет назад, что на 3-4 000 лет раньше, чем история лаковой живописи в конце периода Джомон в Японии, и на 4-5 тысяч лет раньше, чем история древнекорейских лаковых изделий [大漆在当代艺术中的创新]. Как видно, Китай был первой страной в мире, обнаружившей «слезы» лакового дерева (рисунок 1), и первой страной в мире, создавшей лаковые изделия и большую лаковую цивилизацию, которая далее распространилась на сопредельные цивилизации благодаря доступности исходного материала.

Рисунок 1. Добыча смолы из лакового дерева. Фотографии автора

Figure 1. Extraction of resin from the varnish tree. Photos by the author

Использование лака 7 000 лет назад, в эпоху неолита, было обнаружено благодаря археологическим находкам, которые показали, что ранние лаковые изделия появились в местах обитания культур Яншао и Давэнькоу. Этот период принято считать периодом зарождения лакового искусства [中国大漆文化, 漆器中华人民共和国国宝艺术]. Первоначально лаковая техника использовалась в основном для изготовления повседневной утвари и ритуальных предме-

тов. Неолитическая лаковая посуда (рисунок 2) использовалась в основном благодаря практичности и функциональности. В это время зафиксированы лаковые изделия, созданные по образцу гончарных форм того же периода. Их производство было относительно грубым, так как основным источником шин были толстые деревянные шины, а гончарные шины появились в более поздний период.

Рисунок 2. Неолитическая культура Хемуду. Деревянная чаша из вермилиевого лака. Фотография автора

Figure 2. Neolithic Hemudu culture. Wooden bowl made of vermillion lacquer. Photo by the author

Позднее, во времена династий Шан и Чжоу, технология лака постепенно совершенствовалась, а виды лаковых изделий, благодаря совершенствованию технологий изготовления [中国大漆文化, 漆器: 中华人民共和国国宝艺术], становились все более богатыми. Лак широко использовался аристократией в ритуалах и повседневной жизни, появлялись все более сложные формы и декоративные техники. С дальнейшим развитием общества лаковая посуда постепенно стала символом ранга и власти своего хозяина (рис. 3).

Рисунок 3. Изделие времени династий Шан и Чжоу. Фотография автора

Figure 3. A piece from the Shang and Zhou dynasties. Photo by the author.

Важным этапом в развитии лакового искусства стало время династии Тан и Сун [中国大漆文化, 漆器: 中华人民共和国国宝艺术]. Мастерство изготовления лаковых изделий продолжало совершенствоваться, появились различные декоративные техники, такие как скручивание лака, золотое шитье и инкрустация (рис. 4, 5). Они обогатили формы и цвета лаковых изделий. В этот период лаковое искусство уже использовалось не только среди королевской семьи и знати, но и постепенно входило в жизнь простых людей.

Рисунок 4. Бронзовое зеркало династии Тан с мотивами цветов и птиц в золоте и серебре Pinto. Фотография автора

Figure 4. Tang Dynasty bronze mirror with flower and bird motifs in gold and silver Pinto. Photo by the author

Рисунок 5. Большая шкатулка с фигурками в павильоне династии Южная Сун. Фотография автора

Figure 5. A large figurine box in a Southern Song Dynasty pavilion. Photo by the author.

Позже, во времена династий Мин и Цин лаковое искусство достигло своего пика и вступило в период расцвета [中国大漆文化, 漆器: 中华人民共和国国宝艺术]. На этом этапе технический уровень и декоративные приемы лакового мастерства почти достигли крайних пределов, сформировав различные региональные ремесленные школы, такие как Fujian Lacquerware, Suzhou Lacquerware и т. д., каждая из которых демонстрировала уникальный художественный стиль (рис. 6–8).

Рисунок 6. Лакированные изделия из Фуцзяни (Фотография автора)

Figure 6. Lacquerware from Fujian (Photo by the author)

Рисунок 7. Лакированные изделия из Фуцзяни (Фотография автора)

Figure 7. Lacquerware from Fujian (Photo by the author)

В это время лаковые изделия не только широко использовались в повседневной жизни, но и стали важным социальным носителем культурного наследия. Они использовались для ритуалов, особенно в таких важных случаях, как свадьбы, похороны и обряды, где их использование символизировало продолжение культуры и традиций.

Рисунок 8. Лакированные изделия из Сучжоу (Фотография автора)

Figure 8. Lacquerware from Suzhou (Photo by the author)

В начале XX века процесс индустриализации на Западе оказал серьезное влияние на традиционные ремесла, и рынок лаковых изделий постепенно сокращался. Социальные волнения и экономическое давление также привели к тому, что многие ремесленники и небольшие мастерские столкнулись с экзистенциальным кризисом, что привело к потере и упадку традиционных навыков.

В 1980-х годах государство постепенно стало уделять внимание защите традиционной культуры и ремесел и проводить соответствующую политику, направленную на возрождение лакового искусства. В некоторых колледжах и культурных учреждениях были созданы специализации по лаковому искусству и начата подготовка новых мастеров (рис. 9), что подчеркивало внимание к наследованию традиционных навыков.

Рисунок 9. Курс лакового искусства, Колледж изящных искусств, Аньхойский нормальный университет. Фотография автора)

Figure 9. Lacquer Art Course, College of Fine Arts, Anhui Normal University. Photo by the author

Современное лаковое искусство, как ремесло, постепенно развивается в направлении модернизации и диверсификации, многие художники и дизайнеры сочетают традиционные техники с современными концепциями дизайна, создавая новые произведения искусства (рис. 10–12). Этот трансграничный сплав способствует инновациям в проектировании, тем самым способствуя и развитию лакового искусства, привлекая внимание все большего числа молодых людей к культурному наследованию в рамках современного рынка.

Рисунок 10. Современные украшения. Фото автора
Figure 10. Contemporary jewelry. Photo by the author.

Рисунок 11. Современные украшения. Фото автора
Figure 11. Contemporary jewelry. Photo by the author.

Рисунок 12. Дизайн лакированной мебели. Фотография автора
Figure 12. Lacquered furniture design. Photo by the author.

С углублением международного обмена художественных традиций китайское лаковое искусство постепенно завоевывает репутацию за рубежом. Все больше и больше художников участвуют в международных выставках, чтобы продемонстрировать уникальное прочтение традиционного китайского мастерства. В то же время международное сотрудничество и обмен опытом предоставили новые возможности для развития лакового искусства (рисунок 13–14).

Рисунок 13. Учителя и преподаватели из Университета Бренау посетили выставку культурных и творческих продуктов китайского лакового искусства. Фотография автора

Figure 13. Teachers and professors from Brenau University visited an exhibition of cultural and creative products of Chinese lacquer art. Photo by the author

Рисунок 14. Президент и преподаватели Университета Бренау изучали китайское лаковое искусство. Фотография автора

Figure 14. The President and faculty of Brenau University studied Chinese lacquer art. Photo by the author.

Растущий спрос среди современных потребителей на персонализированные и высококачественные локализованные продукты с явно продемонстрированным культурным наследием возродил лаковое искусство на рынке. Развитие культурного туризма также предоставляет новую платформу для развития и распространения лакового искусства.

Выводы

Развитие китайского лакового искусства отражает глубокое наследие китайской культуры и бесконечность трансформаций художественного творчества, переходящего из ремесленного искусства в дизайнерское проектирование. От ранней практической утвари до современных произведений искусства и дизайнерских изделий, лаковое искусство является не только наследием технологии, но и продолжением культуры. Этот опыт локализации культурного наследия демонстрирует, как реализовать инновации на основе защиты традиций и продвижения традиционного искусства.

Список литературы

1. Ван Лина. Исторические истоки и развитие лакового искусства. Пекин: Издательство «Искусства и ремесла», 2014.
2. Чжу Ли. Инновации лака в современном искусстве». Наблюдения за искусством, 2018.
3. Шао Юэцин. Китайская лаковая культура. Шанхай: Шанхайское книжное издательство, 2016.
4. Чжан Си. Лаковые изделия: национальное достояние Китайской Народной Республики. Пекин: Издательство «Культурные реликвии», 2015.

参考书目

1. 王丽娜. 《大漆艺术的历史渊源与发展》. 北京: 工艺美术出版社, 2014.
2. 朱力. 《大漆在当代艺术中的创新》. 《美术观察》, 2018.
3. 邵月琴. 《中国大漆文化》. 上海: 上海书店出版社, 2016.
4. 张熙. 《漆器: 中华人民共和国国宝艺术》. 北京: 文物出版社, 2015.

References

1. Wang Lina. The Historical Origins and Development of Lacquer Art. Beijing: Arts and Crafts Publishing House, 2014.
2. Zhu Li. Innovation of Lacquer in Contemporary Art. *Art Observation*, 2018.
3. Shao Yueqin. Chinese Lacquer Culture. Shanghai: Shanghai Bookstore Publishing House, 2016.
4. Zhang Xi. Lacquerware: National Treasure Art of the People's Republic of China. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2015.

Материал передан в редакцию 03.11.2025.